

0- 781050

На правах рукописи

Битокова Светлана Хаугиевна

**ПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ МЕТАФОРЫ
КАК КОГНИТИВНОГО МЕХАНИЗМА**

(на материале кабардинского, русского и английского языков)

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

НАЛЬЧИК 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Аликаев Рашид Султанович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
Новодранова Валентина Федоровна

доктор филологических наук, профессор
Геляева Ариука Ибрагимовна

Ведущая организация: Волгоградский государственный
педагогический университет

Защита состоится «17» декабря 2009 г. в 9.00 на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Кабардино-Балкарском государственном университете по адресу: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кабардино-Балкарского государственного университета.

Автореферат разослан « » _____ 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000623823

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.Е. Щербань

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лингвистика последних десятилетий отмечена стремлением не столько описать явленное в языке, сколько объяснить причины появления языкового факта и закономерности его функционирования. Такое перераспределение системы ценностей в языкознании закономерно и обусловлено всем ходом развития лингвистической науки. Приблизившись к своему условному пределу в описании системных характеристик языковых явлений, наука о языке повернулась лицом к человеку, сотворившему и творящему его. Стремление постичь тайны порождения языковых единиц и их функционирования обусловило формирование когнитивного направления, нацеленного на изучение способов превращения фактов видимого и невидимого мира в факты языка.

Инструментарий перевода результатов познания в факты языка представляет метафора, обеспечивающая не только и не столько риторические и апеллятивные функции языка, сколько познавательные и классифицирующие. Основополагающим тезисом современной когнитивной лингвистики является концептуальный характер метафоры, позволяющий структурировать некую абстрактную сферу в терминах другой, конкретной, чувственно воспринимаемой, а потому известной и понятной. Метафора удлиняет «руку» интеллекта, обеспечивая доступ к тому, что виднеется на дальних рубежах мыслимого, к тому, что не только трудно назвать, «а даже трудно помыслить» [Ортега-и-Гассет 1990: 71-72].

Актуальность диссертационной работы определяется тем, что метафора, всегда являвшаяся центром притяжения гуманитарных наук, с новой силой обратила на себя взоры уже с позиций когнитивного направления современной науки. Неослабевающий интерес к этому феномену обусловлен неоднозначностью ее природы и полифункциональностью. Обращение к метафорической ипостаси языка дает возможность апробировать базовые установки когнитивного направления в лингвистике, находящегося в стадии становления. Исследование метафорической репрезентации абстрактных концептов позволяет приблизиться к решению фундаментальной проблемы соотношения языка и мышления, которая в настоящее время преодолела однозначность и категоричность, свойственную представителям оппозиционных мнений, и звучит более взвешенно и компромиссно. Видный лингвист современности А. Вежбицкая в связи с этим отмечает, что «крайний универсализм в изучении языка и мышления столь же неоснователен и опасен, сколь и крайний релятивизм в изучении культуры» [Вежбицкая 1996: 238]. Исследование актуально и в свете четко обозначившегося интереса ученых к проблеме соотношения языка и сознания, в разработке которой язык рассматривается как «средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризированной в голове (мозгу) человека деятельности» [Кубрякова 2009: 16]. Диссертация представляет актуальность в контексте влиятельного

направления современной философии – эпистемического конструктивизма, согласно которой субъекту познания отводится ведущая роль в конструировании реальности [Кубрякова 2009: 22].

Гипотеза исследования заключается в том, что структурирование абстрактных сущностей происходит на основе образно-схематического, а не логического знания, которое неосознанно формируется на основании телесного опыта и опыта взаимодействия познающего субъекта с внешним миром, и сочетает в себе универсальное и этноспецифичное. Последнее возможно и на понятийном уровне в формате концептуальных метафор, что мотивировано культурными и когнитивными причинами.

Объектом исследования в данной диссертации является метафора как инструмент когнитивного моделирования сущностей абстрактного мира.

Предметом исследования послужили образные языковые образования различной структурной организации, представляющие *базовые эмоции, интеллектуальную сферу (ум, глупость) и труд, безделье*. При формировании материала исследования мы исходили из того, что в широком смысле метафорой «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990: 296-297]. Такой подход к предмету исследования мотивирован важным положением когнитивной лингвистики (КЛ), трактующим язык как «единый континуум символических единиц» [Чудинов 2003: 54], и, соответственно, допускающим нивелирование уровней, структурных различий при изучении языковых явлений. Исследование метафоры в таком широком понимании позволяет, на наш взгляд, получить более полное представление о структурировании исследуемых фрагментов, об их образной репрезентации. Важным для нашего исследования является наличие «живой» внутренней формы в метафорических образованиях, что допускает соотношение значения слова, словосочетания в его свободном употреблении и формируемого ими переносного значения.

Выбор обозначенных концептуальных полей мотивирован тем, что они являются наиболее важными для функционирования и социального взаимодействия личности [Изард 1980: 54]. Мы также руководствовались известной мыслью французского антрополога Л. Леви-Брюля о том, что для исследования мышления индивида следует анализировать культуру, к которой он принадлежит. Любую культуру, по его мнению, можно описать в терминах коллективных представлений, которые относятся к трем различным сферам: интеллектуальной, эмоциональной, двигательной [Коул, Скрибнер 1977: 32].

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении соотношения между языковыми знаками, репрезентирующими обозначенные сферы бытия человека, и концептуальными структурами мышления, представленными метафорой.

Обозначенная цель предполагает решение следующих конкретных задач:

1) представить ~~основные положения~~ когнитивной семантики как магистрального направления когнитивной лингвистики;

2) обосновать концепцию когнитивной теории метафоры на основании критического осмысления ее ретроспективы и современного состояния;

3) разграничить операциональные термины современной лингвистики: значение, понятие, концепт как формы репрезентации знания;

4) представить *культурный код* как языковой инвентарь, используемый для целей вторичного означивания;

5) выделить из существующих лексикографических источников кабардинского языка и наиболее авторитетных словарей русского и английского языков образные единицы, репрезентирующие *базовые эмоции* (*гнев, страх, радость/счастье, любовь/привязанность*), *ум, глупость, труд, безделье*;

6) провести когнитивный анализ каждой из выделенных групп в терминах культурных кодов, участвующих в их объективации;

7) выявить концептуальные метафоры, в терминах которых происходит упорядочивание образной информации об исследуемых фрагментах мира «идеальное»;

8) провести анализ их языкового наполнения;

9) обобщить культурно значимую информацию, проявляющуюся при анализе концептуальных языковых метафор.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные положения современного языкознания, постулирующие приоритетность языковых данных в исследовании когнитивных структур; взаимосвязанность и взаимообусловленность языка и мышления, языка и сознания; понимание языка как аккумулятора и транслятора культуры, приоритетность семантических исследований в разработке основных положений когнитивной лингвистики, смыслообразующая роль метафоры.

Теоретическую базу исследования составили основополагающие труды отечественных и зарубежных языковедов в области *семантики и когнитивистики* (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, В.Г. Гака, В. фон Гумбольдта, В.И. Карасика, И.М. Кобозевой, Н.Г. Комлева, А.В. Кравченко, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.Ф. Новодрановой, О.А. Радченко, Е.В. Рахилиной, Э. Рош, Н.К. Рябцевой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкиной, А.А.Уфимцевой, Е.В. Урысон, D.L. Bolinger, W. Croft, G. Fauconnier, R. Gibbs, J. Grady, B. Heine, Z. Koveses, M. Johnson, G. Lakoff, R. Langacker, L. Talmy, J. Taylor, M. Turner, A. Wierzbicka и др.);

теории метафоры (Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, М. Блэка, О.И. Глазуновой, С.С. Гусева, Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Э. МакКормака, Дж. Миллера, В.П. Москвина, М.В. Никитина, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Ортона, П. Рикера, Дж. Серля, Г.Н. Скляревской, А.П. Чудинова, У. Эко, A. Deignan, R. Dirven, G. Fauconnier, B. Fraser, R.W. Gibbs, R. Giora, J. Grady, M. Johnson, E.F. Kittay, Z. Koveses, G. Lakoff, G.A. Miller, A. Ortony, M. Turner, R.M. White и др.);

общей культурологии и антропологии (К. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Э. Тайлора, М. Коула, С. Скрибнер, М.С. Кагана, Ю.М. Лотмана, Т.Г. Стефаненко и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии теоретических и методологических установок когнитивного подхода к изучению метафоры с учетом последних достижений в этой области. Принципиально новым является парадигмальное исследование метафоры как концептуального, языкового и культурного феномена. В работе впервые апробирована методика выявления концептуальных метафор через исследование элементов культурных кодов, участвующих в концептуализации *базовых эмоций, ума, глупости, труда, безделья* в кабардинском языке. Новым является исследование метафорических образований с позиций философии эпистемического конструктивизма, рассматривающего телесный опыт как отправную точку в конструировании реальности.

Выбор эмоциональной, интеллектуальной и трудовой сфер образной концептуализации, позволяющий представить целостный портрет этнокультурной личности, в настоящем исследовании осуществлен впервые. Новым является обращение к малоизученному кабардинскому языку, выступающему в тандеме с английским и русским языками. Они создают фоновую «поддержку» кабардинскому языку, так как только в «зеркале» другого языка и его носителя можно говорить о явлениях идиоэтничности.

Материалом исследования послужили образные метафорические образования кабардинского языка, представленные метафорами, идиомами, компаративными оборотами и паремиологическими единицами, извлеченные методом сплошной выборки из существующих толковых, переводных, фразеологических словарей кабардинского языка, а также материал из наиболее авторитетных лексикографических источников русского и английского языков.

В ходе исследования применялись общенаучные методы, предполагающие *анализ и синтез* практического материала, *описательный и сопоставительный* методы, метод *когнитивного моделирования*, а также *интроспективный анализ*, в основе которого лежит языковая интуиция.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Метафора являет собой концептуальный феномен, обуславливающий другие его ипостаси на уровне языка и культуры. Она задействована в важнейших когнитивных процессах категоризации знаний, связанных со структурированием внешнего и внутреннего мира субъекта в соответствии с сущностными характеристиками его функционирования и бытия. Членение мира «идеальное» соответствует универсальному принципу «наглядности», «предметности» мышления, предполагающего движение от конкретного к абстрактному. Будучи включенной в нашу понятийную систему, концептуальная метафора предоставляет возможность структурирования абстрактной или неизвестной области в терминах конкретной и знакомой сферы, тем самым продвигая процесс познания мира.

2. Метафора являет собой трехчастную структуру, в основе которой лежат чрезвычайно абстрактные образ-схемы, являющиеся результатом осмысления человеком его телесной организации, моторных действий и сенси-

тивного опыта взаимодействия с физическими объектами окружающего мира; концептуальные метафоры, увязывающие абстрактные сферы бытия и чувственно воспринимаемые фрагменты мира; языковые метафоры, выявляющие диапазон возможного наполнения концептуальной метафоры.

3. Познающему субъекту принадлежит важнейшая роль в объективации абстрактных сущностей мира «идеальное». Метафорическое структурирование абстрактных концептов (*гнев, страх, радость/счастье, любовь/привязанность, ум, глупость, труд, безделье*) осуществляется с точки зрения субъективных, антропоцентрических ощущений и представлений, которые человек приписывает действительности сквозь призму своей когнитивной карты. Последняя регулирует процессы мышления, соотносящие абстрактные понятия и опыт с каждодневной практикой взаимодействия познающего субъекта с внешним миром.

4. Выявленные концептуальные метафоры, структурирующие *базовые эмоции, ум, глупость, труд, безделье*, свидетельствуют об определяющей роли сходной биологической и психофизиологической организации *homo sapiens* в выборе вектора объективации абстрактных концептов, что, однако, не исключает действия когнитивных предпочтений, характерных для отдельно взятой лингвокультуры (экспериментальный фокус, специфичные прототипические модели и фреймы, особое видение мира).

5. Культурная компонента метафоры отсутствует на доконцептуальном уровне, представленном образ-схемами. В слабо выраженной форме она проявляется на концептуальном уровне в силу когнитивных предпочтений этноса. В языковой плоскости культурная составляющая метафоры выступает в полном объеме. Анализ и обобщение языкового наполнения концептуальных метафор дает представление о мировоззренческих, культурных, ценностных составляющих жизни кабардинского этноса. Исследование позволяет реконструировать этнокультурный портрет языковой личности, представленный такими фрагментами, как *эмоции, ум, глупость, труд, безделье*.

6. Коды культуры, в терминах которых происходит осмысление абстрактных сущностей, носят универсальный характер, что обусловлено принципиальным сходством жизненной практики людей. Внутренняя аранжировка элементов различных кодов культуры в плане номинативного потенциала ее отдельных элементов носит идиоэтнический характер. Коды культуры не являются изолированными конструктами. Они пересекаются, обнаруживая общие элементы, используемые для концептуализации сущностей различных абстрактных сфер. Зоны пересечения также являются областью проявления культурной специфики.

7. Категоризирующая и классифицирующая деятельность сознания, являющаяся основой познания мира, одинакова у всех людей. Язык не может организовывать сознание, т.е. определять его тип, структуру, «лепить» в нем свою модель мира. Факт использования определенного языкового инвентаря с его специфическими особенностями для реализации этой цели накладывает

свой «отпечаток» на способы и форму языковой репрезентации концептуального содержания. О влиянии языка на мышление можно говорить лишь в терминах менталитета, который организован в соответствии с эталонами и стереотипами, нашедшими отражение во внутренней форме языковых знаков.

8. Метафорическое структурирование абстрактных концептов дает представление об их содержании. Система реальных предметов и ситуаций, преломленная определенным образом в сознании представителей языкового коллектива, позволяет вскрыть логику ассоциативно-образного мышления этноса, тем самым приоткрыть завесу над специфическим мировидением и миропониманием, характерным для данного языкового коллектива.

9. Познание мира, осуществляемое человеком посредством механизма метафоры, складывается в языковую картину мира (ЯКМ). Ядро ЯКМ формирует концептуальная картина мира (ККМ), отражающая универсальные понятийные категории, не зависящие от языка выражения. Периферия ЯКМ, выходящая за пределы ККМ, формирует уникальную специфику отображения мира конкретным языком. Практическая картина мира включает ЯКМ и предполагает «инвентаризацию» не только языковых данных, но и общесемiotических, культурных, литературных и мифологических представлений, имеющих и внеязыковое выражение.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что в нем представлен обзор ретроспективы и новейших достижений изучения метафоры как когнитивного механизма; выявлены когнитивные основы процесса метафоризации. Проблема соотношения языка и культуры представлена сквозь призму последних исследований в области когнитивной лингвистики; установлена зависимость степени проявления культурного компонента и уровня метафоризации – концептуального и языкового.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы диссертации могут найти применение в лекционных курсах по теории языка, лексикологии, теории перевода, в спецкурсах по общему языкознанию, когнитивной семантике и теории метафоры. Методика исследования может найти применение в исследованиях различных разрядов лексики. Фактический материал представляет ценность и для лексикографической практики.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования нашли отражение в монографии «Метафора в языке, мышлении и культуре» (Нальчик, 2009) и 29 публикациях, 7 из которых вышли в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

Основные положения диссертации докладывались на Международном научно-методическом симпозиуме «Обучение иностранным языкам и культурам: дискуссионные и нерешенные вопросы» (Пятигорск, 2006); на Международных научных конференциях: «Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы» (Нальчик, 2003); «Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности» (Санкт-

Петербург, 2006); «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества» (Владикавказ, 2006); «Языковая система и речевая деятельность» (Ростов-на-Дону, 2007); «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 2007); «Концепт и культура» (Кемерово, 2008); на Всероссийской научной конференции «Язык как система и деятельность», посвященной 80-летию профессора Ю.А. Гвоздарёва (Ростов-на-Дону, 2005), а также на научно-методических семинарах кафедры английского языка, межкафедральных лингвистических семинарах (Нальчик, 2005-2008).

Структура диссертации определяется поставленными в ней целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 16 параграфов, заключения, библиографического списка (533 наименования) и списка словарей (48 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, излагаются цели и задачи исследования, определяются предмет и объект анализа, характеризуются материал и методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «**Когнитивная парадигма знания и ее отражение в современной лингвистике**» посвящена изложению основополагающих категорий когнитивного направления в языкознании с «оглядкой» на традиционную семантику. Первоочередной задачей когнитивной лингвистики является попытка объективации сложной мыслительной деятельности человека, того, что находится за пределами языковой формы, выявления пути, который языковые единицы, в первую очередь слово и фразеологическое сочетание, проходят в мышлении, сознании индивида, прежде чем предстать в языке в виде некоторого содержания, значения, «упакованного» в определенную языковую форму. Разработка обозначенных проблем позволяет ответить на вопрос, «о чем говорит язык по поводу осмысления им мира в осуществляемых им процессах его концептуализации и категоризации» [Кубрякова 2008: 12]. Традиционная семантика, оперируя уже готовыми единицами языка, исходя из структурной организации значения, стремится к установлению минимальных значимых компонентов значения в пределах определенных тематических групп слов. Конечной целью семантического анализа является достижение определенного уровня формализации, приемлемого для лексикографической практики.

В работе подчеркивается, что значение в контексте когнитивной семантики понимается как процесс, предполагающий две составляющие – кон-

струирование значения (*meaning construction*) и репрезентацию знаний (*knowledge representation*). Такая трактовка предполагает комплексный подход к значению с позиций антропоцентризма без учета каких-либо стратификационных установок в духе структурализма. Значение трактуется как концептуальный феномен, основой которого служит экспериенциальная база человека. Значимость последней в конструировании значения предопределило формирование теории *воплощенного реализма* (Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Turner, R. Gibbs), занимающей промежуточное положение между эмпиризмом и рационализмом. Она обосновывает появление концептуальных структур как результат нашего *сенсомоторного опыта* и обеспечивающих их функционирование нейронных структур.

Восприятие, формирующее первую ступень познания, трактуется как активный процесс, в котором человек – это субъект, моделирующий информацию, поступающую извне, сообразно своим когнитивным способностям, соизмеряющий новое с тем, что ему уже известно, хранится в памяти. Процесс восприятия, осмысливание воспрнятого и дальнейшее продвижение к концептуализации без знаковых опосредователей, каковым является язык, невозможно.

Концептуализация действительности – это осмысление человеком поступающей информации о мире, ментальное конструирование предметов и явлений действительности, приводящее к образованию определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании человека смыслов – концептов. Концептуализация предполагает *категоризацию* – процесс упорядочивания осмысленного, его распределение по смысловым слотам иерархической сетки, характерной для конкретной картины мира. Классическое понимание категоризации дополняется когнитивной его трактовкой [Е. Rosh, G. Lakoff, J. Taylor, Л. Витгенштейн, F. Ungerer, H. Schmid, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина], основанной на теории прототипов и отражающей наивную организацию действительности.

В последнем параграфе реферируемой главы рассматривается операциональный термин современной лингвистики – *концепт*. В своем когнитивном понимании концепт предполагает смыслопорождение и смыслообнаружение, проводимое сознанием человека и проявляющееся в итоге в «схватывании кванта смысла» в форме знака [Р. Дженкендорф, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Павиленис, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков Е.Г., Беляевская, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин и др.]. При этом важным является установление роли и значимости каждого звена в цепочке *восприятие – сознание (мышление) – язык* и максимальная степень объективации этого процесса. *Концепт* – это универсальная единица мыслительного поля человека, многоуровневая совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности. Концепты отражают содержание знаний человека, его опыта, результатов всей

деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, именуемых «квантами» знания. В работе подчеркивается, что концептуальное содержание свойственно всем единицам языка безотносительно от характера их сигнификативно-денотативного содержания.

Далее рассматривается лингвокультурологическая трактовка концепта. Она предполагает смысловой шлейф, которым обрастает знак в результате приращивания новых смыслов, изначально не мотивированных его значением [Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, А. Вежицкая, В.Н. Телия, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и др.]. Мы отмечаем, что до настоящего времени не выработано единого мнения относительно «концептуального» статуса языковых единиц. Ими могут быть феномены, связанные с уникальными явлениями духовной культуры и общественной жизни социума, представленные в языке в виде безэквивалентной лексики [В.Н. Топоров, С.М. Толстая, В.П. Нерознак и др.]; абстрактные сущности, не имеющие печати культурного своеобразия в своем денотативном значении, но обнаруживающие специфическую конфигурацию коннотативного уровня семантики [Воркачев 2003, Вежицкая 1996]. Когнитивное и лингвокультурологическое понимание концепта различаются векторами по отношению к человеку: когнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – направление от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик 2002: 139].

Прямым следствием использования в языкознании базового терминологического инвентаря философии, частью которой оно когда-то являлось, стало смешение терминов *концепт* и *понятие*. Этому также способствовало использование английского термина *concept* в значении *понятие* для наименования *означаемого* словесного знака, которое структурируется сигнификативной и денотативной составляющими.

Особое внимание в последнем параграфе главы уделяется разграничению терминов *понятие* и *концепт*. *Понятие* предполагает полное (на данном уровне познания) отражение в сознании признаков и свойств некоторой категории объектов и явлений действительности. Как таковое, оно суть фиксированный результат познавательной деятельности человека. *Понятие* представляет собой манифестацию сущности предмета, явленную в структурной организации его существенных признаков, необходимых для категориальной идентификации предмета. Можно сказать, что *понятие* функционирует как способ распаковки смыслового континуума, в результате чего оно приобретает устойчивый, фиксированный статус и способно выполнять экспликативную функцию.

Концепт как ментальный феномен отличается от *понятия* в первую очередь тем, что он неотделим от апеллятивно-экспрессивной функции человеческого сознания. *Концепт* призван объективировать все богатство не только логического, но и эмоционального состояния человека. *Концепт* схватывает, но не фиксирует, потому что направлен, что важно, на понимание, а не на по-

знание. Субъективность концепта предполагает его динамичность, неустойчивость, «текучесть». Если прибегнуть к образному выражению, можно сказать, что концепт – это авторская метафора, нарушающая ограничительные понятийные рамки, а понятие – застывшая метафора, несущая в себе скованный концепт.

В работе подчеркивается, что концепт проявляется там, где понятие выходит за пределы собственного объема, так как новое содержание требует новой формы воплощения. Концепт разрывает фиксированные рамки понятия, тем самым давая простор мыслям человека с последующим их языковым выражением. Содержание концепта включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира [Павиленис 1983: 101-102].

Концепт, конечно, не чужд *понятию*. Человек, намеревающийся определить и описать нечто, попавшее в его поле зрения, может осуществить это лишь с опорой на известную ему и разделяемую другими членами языкового сообщества совокупность понятий, присутствующую в его языковом сознании. *Концепт*, оперируя *понятиями*, в состоянии модифицировать саму понятийную сетку. Концептуальное содержание переходит в языковую плоскость и предстает, в первую очередь, в виде слов и словосочетаний.

Концепты, сформированные носителями языка и хранящиеся в памяти людей, образуют концептосферу языка, которая не совпадает с семантическим пространством языка. Концептосфера – это мыслительная область, формируемая концептами, а семантическое пространство языка – это только часть концептосферы, получившая языковое выражение. Получить знания о какой-либо части концептосферы (а вся концептосфера значительно шире языка) можно только при изучении семантического пространства языка. Языковые средства выражения концепта своим значением передают только часть концептуальных признаков, релевантных для сообщения, удовлетворяющих коммуникативную интенцию говорящего.

Концепт и *понятие* находятся в сложных взаимоотношениях ввиду того, что имеют много точек соприкосновения в силу единого локуса – мышления человека и общей отражательной функции. Тем не менее, каждое из этих понятий отмечено своими особенностями отражения мира «действительное», способами фиксации отражаемого, а также сферой использования.

Во второй главе «Язык – мышление – культура: проблема взаимосвязи» представлено видение этой фундаментальной проблемы в контексте последних работ в данной области. Исследуется проявление культурной компоненты в лингвоментальном континууме человека на уровне концептуализации и категоризации, обыденного сознания и менталитета.

Глава начинается с определения понятия «культура». Рассматриваются антропологический, социологический и философский аспекты этого сложного феномена. Обобщение существующих подходов к изучению культуры позволяет выделить цивилизационную, социально-психологическую и дея-

тельность составляющие. Цивилизационная составляющая культуры касается результатов практической деятельности людей на различных ступенях технического и технологического развития данного сообщества. Социально-психологическая составляющая предполагает национальный характер, менталитет, нравственные регулятивы. Деятельностная составляющая указывает на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации. Сложность определения понятия «культура» обусловлена многогранностью, многоаспектностью вечно меняющегося человеческого бытия, которое она (культура) призвана отражать. Насколько неисчерпаем и многолик человек как объект познания, настолько многообразна и разнопорядкова культура.

В работе мы исходим из того, что при любом определении сложного вопроса концептуального содержания «культуры», язык как таковой является основанием культуры. Он аккумулирует и транслирует кристаллизованный опыт языкового сообщества.

Далее в реферируемой главе обсуждаются вопросы, связанные с быденным и научным познанием. Представители разных культур, обладающие одинаковой биологической и психофизиологической организацией, контактируют с одним и тем же земным миром, в котором вещи предстают с достаточно одинаковой объективной дискретностью и одинаковым сходством/различием. Объективные различия в условиях жизни и практике отдельных языковых сообществ со всеми вытекающими языковыми расхождениями не могут «конкурировать» с той частью всеобщего знания, в основе которого лежит одинаковый опыт, мотивированный одинаковой сутью *homo sapiens*. Из этого следует подчиненность языка как совокупности значений опытному знанию. Язык можно уподобить форме, обслуживающей некоторое содержание. Тогда сознание являет собой сочетание языкового инструментария, так как язык – основа мышления и опытного знания, которым владеет индивид, языковое сообщество или человечество в целом.

Расхождения, проявляющиеся в языковом выражении (внутренняя форма знака) одинакового концептуального содержания в разных языках, обусловлены рядом причин. Во-первых, гештальтно воспринимаемый предмет являет собой сочетание разнообразных признаков и свойств, объективно ему присущих. Выделение же какого-то конкретного признака, формирующего внутреннюю форму номинативной единицы, «обращение внимания» на него – процесс субъективный и зависит от особенностей восприятия субъекта, его практических задач и ряда других причин [Гак 1998: 33]. Гештальтное восприятие отдельного предмета не исключает восприятия естественного контекста его существования, связей предмета с другими объектами, процессами, событиями реальной действительности, с которыми он «связан по жизни». Из этого следует, что результирующий эффект концептуализации – номинативная единица – в качестве внутренней формы может включать как сущностные признаки и свойства самого объекта, так и признаки, мотивированные условиями «бытия» объекта в реальности, например, пространственные, временные, функциональные и др.

Другой причиной является типологический строй языка, номинативный инвентарь, имеющийся в распоряжении представителей языкового коллектива для объективации нового содержания, который, в некоторой степени, определяет характер языкового оформления «кванта» смысла. Так, например, важной типологической характеристикой кабардинского языка является включение в структуру глагола всех актантов развертывания действия, процесса (субъекта, объекта, способа совершения действия и т.д.). Например: *у-а-къы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-къым* «Я тогда не смог заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними» [Кумахов 1984: 21]. Это сложное структурное образование поддается членению в полном соответствии со стратегией описания морфологической структуры индоевропейского слова и допускает выделение корневой морфемы *шэ-*, которая вне структуры не семантизируется, и тринадцати аффиксальных морфем, каждой из которых приписывается статус либо префикса, либо суффикса. Эта особенность предопределяет тот языковой «крой», в формате которого единый мир предстает в кабардинском языке.

Лингвокреативная деятельность членит мир заново [Серебренников 1988: 203]. Так, например, носители кабардинского языка с помощью одного имени *цъынэ* (сырой) концептуализируют значительно большее количество признаков объектов, чем носители русского языка. Например: *сабий цъынэ* – грудной ребенок; *цъалэ цъынэ* – молодой, не достигший зрелости парень; *лы цъынэ* – парное мясо; открытая рана; *фо цъынэ* – свежий мед; *псы цъынэ* – сырая вода; *хъуей цъынэ* – молодой сыр; *бжъын цъынэ* – зеленый лук; *ныбэ цъынэ* – слабый желудок (живот); *пэ цъынэ* – сопливый; *тхъуцъынэ* – сливочное масло. Совпадения наблюдаются лишь при определении *влажных, сырых предметов*, например, сырая земля – *цъы цъынэ*; и не доведенной до нужной кондиции пищи: *цълакхъэ цъынэ* – сырой (недожаренный) хлеб.

Отсутствие объективных критериев верификации не позволяет со всей категоричностью утверждать, что использование языками разных слов для концептуализации одних и тех же сущностей реального мира является результатом его особого членения.

Необычайное разнообразие признаков, используемых для концептуализации одних и тех же понятий в разных языках, обусловлено в большей степени особенностями ассоциативного мышления, а не специфическим видением мира [Серебренников 1988]. Мы не можем говорить об абсолютной произвольности ассоциаций, действующих при концептуализации нового содержания. Они (ассоциации) мотивируются стереотипами обыденного сознания.

Практический и интеллектуальный опыт человека формируется в окружающем его предметном пространстве. Осваивая его, человек не только дает имена наполняющим его предметам, но и включает их в личную сферу, наделяет смыслом. Названия предметов, явлений и ситуаций превращаются в символы, образы и знаки. Язык предметного пространства расширяет сферу

значений и становится пригодным для представления непредметных, неявных сущностей. В свое время В. Гумбольдт обратил внимание на «предметность» человеческого языка, отмечая, что «язык выражает свои мысли и чувства как предметы» [Гумбольдт 1985: 378].

Этот универсальный механизм, являющийся важнейшим когнитивным инструментом в освоении непредметных сущностей, можно назвать «принципом наглядности» [Рябцева 2005: 125]. Действие этого принципа, наполнение конкретным содержанием, предопределяется стереотипами обыденного сознания, которые формируют вектор ассоциативного мышления носителей того или иного языка, т.е. установление связи между абстрактной сущностью, ищущей форму языкового выражения, и конкретным предметом, удовлетворяющим эту потребность, продиктовано всем предыдущим опытом языкового коллектива. В этом смысле ассоциации носят не случайный характер, а предопределены сложным комплексом взаимодействия ряда факторов, которые можно объединить одним словом *культура*.

Обыденное сознание стремится к установлению «истины» через поиск *эталона*. Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы – это то объединяющее начало, тот общий структурный принцип, который связывает воедино процессы восприятия, познания, и языковую картину мира [Лакофф 1981: 368].

Структура эталонов или стереотипов обыденного сознания чрезвычайно сложна, многопланова, достаточно размыта и неопределенна. Предметное пространство, которое окружает человека, – это природно-географические условия, – а также его практическая деятельность формируют эмпирическую основу эталонов и стереотипов обыденного сознания. Можно предположить, что ведущую роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, что нередко выражается в более продолжительных контактах человека именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов.

Проиллюстрируем действие стереотипов обыденного сознания на материале лексики цвета в кабардинском языке. Известно, что цвет – один из наиболее эталонных модусов, так как без обращения к образцам его трудно определить. Существуют два способа толкования имен цвета: указание типичного объекта, имеющего данный цвет, и толкование одних имен цвета через другие [Фрумкина 1984: 17]. Тем не менее, можно предположить, что все цвета имеют прототипические эталоны. Кабардинский язык не исключение. Из богатого многообразия объектов, обладающих искомыми цветовыми признаками, носители языка неосознанно вычленили те, которые более частотны и значимы в их каждодневной практике. Особая роль таких культур, как *перец*, *чабрец*, *тыква*, подтверждается их выбором носителями языка в качестве эталонов цвета. Например, *джэдгыныфэ* (цвета чабреца – растения,

из высушенных листьев которого готовят очень популярную приправу к мясным и овощным блюдам в кабардинской кухне) близок к темному хаки; *къэбыфэ* (цвета тыквы) – желто-красный, оранжевый; *къэбжылафэ* (цвет семян тыквы) – бледно-желтый; *шыбжыйифэ* (цвета перца) – ярко-красный.

Если в объективной действительности референт встречается в нескольких разновидностях, то сознание в первую очередь фиксирует наиболее распространенную, как это наблюдается в случае с последним примером. Из практики известно, что *перец* бывает не только *красного* цвета, да и оттенки красного перца достаточно разнообразны. По зооморфной лексике, используемой в системе цветообозначения в кабардинском языке, можно судить о месте, занимаемом этими референтами в жизни кабардинского народа: *къашырыфэ* (цвет гусенка) – светло-желтый; *бжэндэхъуджадыклафэ* (цвет скворцового яйца) – светло-голубой; *тхъэмбылыфэ* (цвет легкого) – розовый. Следующие наименования цвета иллюстрируют важные составляющие кабардинской кухни: *хъэкъуртыфэ* – светло-коричневый (*хъэкъурт* – мука из жареной кукурузы); *цэжыпсыфэ* – салатный, бледно-зеленый (*цэжыпс* – сыворотка); а также элементы повседневной жизни: *сабафэ* – серый (цвет пыли); *яжсафэ* – серый, пепельный (цвет золы); *къамылыфэ* – темный, смуглый (цвет камыша); *къуэщыныфэ* – коричневый (цвет горшка, кувшина, черепицы); *данагъуэ* – золотистый (*данэ* – шелк); *дыщэфэ* – золотистый (цвет золота). *Дыжъын* (серебро) в кабардинском языке не используется в качестве эталона цвета (ср. русск. *серебристый*; англ. *silvery*). *Къуэщыныфэ* (коричневый) интересен тем, что в качестве эталона цвета используется предмет, изготовленный из глины – *ятлагъуэ* (горшок, может быть – кувшин), а не имя *ятлагъуэ*. По всей вероятности, причина этого заключается в том, что имя *глина* – *ятлагъуэ* (букв. светло-желтая земля) уже содержит название цвета *гъуэ* (светло-желтый, рыжий). Использование имени, уже содержащего цветообозначающий компонент, вряд ли способствовало бы прозрачному и понятному наименованию цвета.

В работе делается вывод, что категоризирующая и классифицирующая деятельность сознания, являющаяся основой познания мира, результаты которой проявляются в языке, одинакова у всех людей. Язык не может организовывать сознание, т.е. определять его тип, структуру, «лепить» в нем свою модель мира. Но, с другой стороны, факт использования определенного языкового инвентаря с его специфическими особенностями для реализации этой цели накладывает свой «отпечаток» на способы и форму языковой репрезентации концептуального содержания.

Мы считаем, что важным в решении вопроса о соотношении языка и мышления является точка отсчета, ракурс рассмотрения проблемы – филогенетический или онтогенетический, который предопределяет принципиально разные ответы [Касевич <http://files.zipsites.ru/books/audio/Education/Lingvistika/spr0000040.pdf>]. В процессе освоения действительности человек членит, структурирует, дифференцирует по сути не *дискретный* и *единый* мир, в первую очередь, на основании того, что и в каком «количестве» этот мир пред-

лагает ему в качестве когнитивной обработки. Во-вторых, в соответствии со значимостью определенных элементов пространственно-временного континуума в жизнедеятельности конкретного языкового сообщества. Этими причинами объясняется, например, дифференцированное именование различных пород лошадей, их масти, болезней, особых стрижек хвоста и т.д. в кабардинском языке, что свидетельствует о приоритетном положении этого представителя фауны в жизни кабардинского этноса. Так, разновидности кабардинской породы лошадей включают: *есеней*, *жажэ*, *жэрашты*, *кьундет*, *кьура-ты*, *кьэбан*, *щолэхъу*, *хуарэ*, *жухъэр*. Другие номинанты, принадлежащие к этому тематическому полю: *щыгъуэ* (буланый конь), *тхъуэ* (сивый – о масти лошади), *брул* (чалый – о лошади), *дуажын* (кобыла-четырёхлетка), *кьунан* (жеребенок-трехлеток), *лъэдакьэцъджэ* (лошадь с короткими волосами на щетке), *лъэкъэб* (вид плоскостопия у лошади), *уэлмэ* (разновидность болезни ног у лошади), *лъакъуэлъ* (ревматическое заболевание ноги у лошади), *жагъын* (норов лошади), *жъей* (упрямый, норовистый – о лошади), *жагъэ* (бег лошади), *жэрыбэ* (особый ход лошади), *жэрагъ* (рысистость), *кьэсракъ* (способ стрижки хвоста лошади) [СКЧЯ 1999].

В лексическом инвентаре кабардинского языка привлекает внимание высокая степень дифференцированной концептуализации частей тела человека и активное использование этих базовых номинаций в словообразовательных целях, на что в свое время обратили внимание исследователи [Яковлев 1948; полный список см.: Апажев 1992: 123-131]. Например, *Іэтиэ* – сустав, соединяющий кисть руки и предплечье (букв. шея руки); *Іэлэ* – палец (букв. носок кисти руки); *лъэбжэнэ* – ноготь на ноге (букв. – глазок рога на ступне) и др.

По подсчетам М.Л. Апажева, соматическая лексика в кабардинском языке составляет 303 единицы, что в два раза превышает ее число в русском языке – 155 единиц. Такая высокая номинативная плотность именно этого фрагмента мира обусловлена объективными причинами, уходящими вглубь истории кабардинского народа. Так, Н.Ф. Яковлев объясняет столь активное развитие анатомических терминов в этом языке «преобладанием скотоводческо-охотничьего быта у предков современных кабардинцев» [Яковлев 1948: 223]. Но этой одной причины, на наш взгляд, совершенно недостаточно, так как именно с этого уклада и начиналась история многих, если не всех этносов, однако наименования частей тела не получили столь полного, детализированного отражения в других языках, например, европейских. В этой серии примеров действие экологического окружения этноса проявляется не в столь прозрачной форме, как в предыдущем случае. Тем не менее, факт детальной структуризации соматизмов в кабардинском языке обусловлен определенными условиями жизни этноса, его культурой, так как этот фрагмент являет собой наблюдаемый участок мира, а не абстрактный, рефлексивный, умозрительный, т.е. содержание его познания обеспечивается конкретными фактами жизнедеятельности этноса.

Культура, когнитивный опыт определяют содержание мысли и, соответственно, языка. То, с чем человек как представитель той или иной культуры сталкивается в своей каждодневной практике, т.е. опыт «фрук и глаз», то, что занимает его мысли, вызывает у него эмоции и получает отражение в языке.

Онтогенетический поход к проблеме предъявляет иную конфигурацию соотношения языка и мышления. Здесь мы можем говорить о влиянии языка на мышление на основании следующего. Новый член языкового коллектива уже через язык, усвоение которого является обязательным условием его идентичности, получает «готовый» когнитивный опыт, «отстоявшийся» в языке. В распоряжении нового индивида оказывается номинативный инвентарь языка с его специфической аранжировкой согласно структурно-типологическим характеристикам языка, и самое главное – «*взгляд*» на мир, его *понимание и оценка*. Аккумулированный в языке опыт народа, содержащийся в номинативных единицах, а также представленный в виде символов, стереотипов, эталонов обыденного сознания, во многом предопределяет то, как новый индивид будет интерпретировать реальность, т.е. *содержание* его мышления. Это значит, что мировоззренческие постулаты, аксиологические установки, стратегии поведения человека исподволь моделируются языком, на котором он говорит. Человек в своем индивидуальном развитии приобретает и структурирует свой опыт во многом через язык, в котором уже явлен кристаллизованный опыт общества, а не через непосредственное взаимодействие с миром.

Культурные проскрипции, веками вырабатываемые обществом, накапливаются в языке и встраиваются в менталитет человека, можно сказать, на генетическом уровне. Различие в психологии народов объясняется различиями в их коллективном бессознательном, определяющем дух народа, его душу. Существование и смысл архетипов как произвольных манифестаций бессознательных процессов могут быть раскрыты только косвенно, через проекции в мифы, сказки и религии.

Трактовка менталитета предполагает его понимание в широком и узком смысле: как менталитет нации и как менталитет социальной группы. Если архетипы коллективного бессознательного являются корнями национального менталитета, то национальный менталитет представляет собой рамку, в которой складывается общий образ окружающего человека мира. Эта рамка достаточно устойчива, что обеспечивает стабильность национального менталитета. Он статичен и ограничен, подобно экономической структуре. Динамическую же сторону психологических особенностей людей раскрывает культура как образ жизни, передаваемый по наследству» [Tubbs, Moss 1987: 395]. Менталитет, с одной стороны, есть результат культуры, а с другой – сам является глубинным источником развития культуры.

Систему социокультурных смыслов, зафиксированных в языке, таким образом, можно рассматривать как проекции менталитета в язык. И в этом смысле можно говорить о влиянии языка на мышление. *Не* на нейрофизиоло-

гические процессы, обеспечивающие функцию мозга – мышление, не на универсальные механизмы, регулирующие познавательную деятельность (восприятие, ощущение, концептуализация, категоризация и т.д.) а на то, как видит мир и себя в этом мире индивид, какой шкалой морально-этических ценностей он оперирует при интериоризации этого мира и уяснении своей сущности и своего предназначения в этом мире.

В исследовании мы исходим из того, что образные единицы языка занимают особое положение в отражении и формировании менталитета. В.Н. Телия подчеркивает, что фразеология является наиболее культуроносным составом языка, который служит своего рода транслятором культуры, «эпистемической моделью» для исследования взаимодействия языка и культуры [Телия 2004: 19]. Основная информация, связанная с культурным компонентом значения, содержится во внутренней форме идиомы, анализ которой помогает понять наивное представление о мире народа, говорящего на данном языке, и некоторые черты его национального характера. С одной стороны, в них прослеживаются мифы, архетипы, обычаи и традиции, элементы материальной культуры, т.е. сам механизм отбора прототипических ситуаций отражает культурно-национальные стереотипы и эталоны обыденного сознания. С другой стороны, зафиксированная в них информация как бы приобретает новое «культурное» прочтение в виде коннотаций, которые отражают связь ассоциативно-образного основания с культурой, что позволяет вывести новые стереотипные, эталонные и символные значения [Маслова 2004: 71]. Так, идиомы *to bet one's bottom dollar* и *си щхьэр позгъэутцылыныц* (дать голову на отсечение) воплощают эмпирический эталон абсолютной уверенности в чем-либо через указание на систему ценностей в английской и кабардинской культурах соответственно. Развертывание текста (микротекста) этих идиом позволяет реконструировать по их внутренней форме систему ценностей в национальном сознании носителей английского и кабардинского языков. Если в английской идиоме проецируется высокая ценность в англосаксонском миропонимании материального богатства, то в его кабардинском аналоге актуализируется приоритет духовных ценностей над материальными. Присущее кабардинскому национальному сознанию стремление к правде, к высшей справедливости порождает и готовность к самопожертвованию во имя правды (ср.: русск. *дать голову на отсечение*). Английские идиомы *let the sleeping dog lie* и *white lie* воплощают эталон культуры отношений между представителями англосаксонского социума – «культуру компромисса и конформизма» – через указание на отношение к животным и отношение к правде. В культуре бытового конформизма, в соответствии с принципом вежливости, *white lie* рассматривается как невинное социальное извинение. Идиомы *can't help but*, *cannot but* можно рассматривать в этой связи как языковые средства выражения «смягчения» мыслей и действий говорящего: *I cannot help but think; I cannot but suggest*.

Носители русского языка также допускают сокрытие правды для определенных стратегических целей, например, *невинная ложь*, *ложь во спасение*. Данные кабардинского языка свидетельствуют о предпочтении его носителями правды, какой бы она ни была, лжи. Например: *пэж жызылар шегъуэжкъым* – сказавший правду не раскаивается; *пэжым пашцэ укымыкхэуэ* – не отступай в борьбе за правду; *пэжыр дыццэм нэхэрэ нэхэ лъапцэ* – правда дороже золота; *пцлы лэфл нэхэрэ пэж дыдж* – лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Более того, одним из важных критериев добропорядочной и достойной жизни человека является честность, что передается производным наречием: *пэжу дунейм тетын* – быть честным и порядочным; качество работы также оценивается через *пэж* (правда) – *луэхум пэжу бгъэдэтын* – верно, преданно служить делу.

Образно мотивированное основание фразеологизмов, кумулятивно-продуктивная природа которого содержит в явном или скрытом виде сведения о том, как различные смыслы культуры концептуализируются в этих языковых сущностях, со временем само генерирует стереотипные, эталонные, символичные значения, которые участвуют в формировании культурно-языкового сознания, ментальности народа.

В третьей главе «Роль метафоры в репрезентации знаний» обосновываются концептуальные свойства метафоры на основе критического осмысления важнейших концепций метафоры, определяется конституирующая роль метафоры в формировании языковой картины мира, проводится разграничение смежных с «языковой картиной мира» понятий.

Познавательные свойства метафоры в разной степени выраженности были отмечены как отечественными учеными [Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Е.Г. Беляевская, В.Г. Гак, Д.О. Добровольский, Г.Ю. Москвин, М.В. Никитин, Е.О. Опарина, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Г.Н. Складневская, В.Н. Телия и др.], так и зарубежными [М. Блэк, Э. Кассирер, Е. Киттей, Э. Маккормак, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, А. Ричардс, Ф. Уилрайт и др.]. Все эти авторы видят в метафоре фундаментальный прием познания и концептуализации действительности, позволяющий достичь самых отдаленных участков нашего концептуального поля, делающий сущности абстрактного характера доступными нашей мысли. Вряд ли можно более убедительно написать о значимости метафоры, чем это сделал Х. Ортега-и-Гассет, сказав, что все «огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры» [Ортега-и-Гассет 1990: 77].

Фундаментальной идеей когнитивной теории метафоры является представление метафоры как языкового явления, отображающего когнитивный процесс аналогии, лежащий в ее основе. С позиций когнитивного подхода метафора рассматривается в качестве средства языковой репрезентации крайне важных аналоговых процессов при переносе знаний из одной содержательной области в другую.

Известно, что система понятий, сложившаяся в нашем сознании, играет определяющую роль в упорядочивании воспринимаемой нами реальности. Она формируется в процессе познания мира и отражает информацию об этом мире в виде концептов, которые имеют как неметафорическую природу, так и метафорическое основание.

Неметафорические концепты коренятся непосредственно в нашем опыте и определяются в терминах тех концептуальных областей, к которым они относятся, посредством букварных языковых выражений. Формирование неметафорических структур понятий следует рассматривать как последовательный, поэтапный процесс становления концептуальной системы человека в целом. Неметафорические концепты являются результатом осмысления человеком его телесной организации, моторных действий и сенситивного опыта взаимодействия с физическими объектами окружающего мира. В дальнейшем повторяющиеся действия и результаты познавательной деятельности позволяют человеку структурировать пространство на основании физических свойств и особенностей функционирования его тела: *верх – низ, внутри – снаружи, близко – далеко, впереди – сзади*. Параллельно с этим формируются онтологические понятия, отражающие общие сведения о категориальных свойствах предметов, на основе которых происходит их идентификация: *сущность, объект,местилище, сила, баланс* и т.д. Выделяются и структурные понятия, позволяющие схематизировать логику повседневно совершаемых действий, например, *движение, перемещение объектов, приятие пищи* [Lakoff & Johnson 1980, 1999].

Неметафорические репрезентации, мотивированные нашей экспериенциальной базой, служат основой осмысления и упорядочивания все осложняющегося опыта человека. И происходит это посредством концептуальных метафор, увязывающих плохо структурированные области реального мира, а также сущности абстрактного порядка (*target domain*), с областями опыта, имеющими неметафорическое представление (*source domain*). При этом прослеживаются определенные закономерности между коррелирующими областями опыта.

Ориентационные метафоры структурируют различные понятийные области в соответствии с базовыми (неметафорическими) линейными ориентациями в пространстве, основанными на нашем моторном опыте. Так, например, в большинстве языков *здоровье, счастье, сила, власть, рациональное* осмысливаются посредством метафоры «верх», в то время как соответствующая им оппозиция – *болезнь, печаль, подчинение силе, меньшее количество, бессознательное* – передается метафорой «низ» [Лакофф, Джонсон 2004] (ср.: русск.: *быть на седьмом небе, чувствовать себя на верху блаженства*; англ.: *feel on the top of the world, be on cloud nine*; каб.: *дамэ кытеклэн, нылэ дэдзеин*; vs. русск.: *вешать голову, повесить нос*; англ.: *heart sinks, down in the dumps*; каб.: *нэр кыпыхун, лэр шлэхун*). При этом отмечается преферент-

ность тех или иных пространственных метафор, что отражает способ специфического когнитивного картирования окружающей действительности, присущий конкретной лингвокультуре. Так, например, в английском языке наиболее репрезентативны метафоры, объективирующие абстрактные сущности через оппозицию «верх» – «низ» (up – down), далее по численности следуют метафоры «вперед» – «назад» и «право» – «лево» [Лакофф 2004].

Онтологические метафоры представляют собой проецирование свойств, объективно присущих предметам реального мира (хрупкость, твердость, текучесть и т.д.), на такие абстрактные сущности, как *ум, эмоции, мораль, право* и т.д. Например, знание того, что в состоянии гнева у человека повышается температура тела, увеличивается кровяное давление, что проявляется в покраснении лица и шеи, позволяет вербализовать эту эмоцию через горячие или горящие объекты физического мира. Например: *кровь кипит, довести до белого каления*; англ. – *to blow the fuse, to be on fire*; каб. – *лърър къвъзн, гур къкъуэълъкълн*.

Структурные метафоры представляют собой концептуализацию абстрактных сущностей через известные, детализированные элементы опыта. На основе структурированных и поэтому прозрачных элементов опыта, известных человеку, происходит конкретизация и упорядочивание других, абстрактных областей. Например, чувство *любовь* структурируется через конкретную сферу нашего опыта – *путешествие*, со всеми его составляющими. Например, *транспорт* концептуализирует *отношения*. Соответственно наши знания о транспорте могут быть использованы для уяснения любовных отношений. Так, при выходе *транспорта* из строя возможны следующие действия: а) мы покидаем неисправное средство передвижения и пытаемся добраться до места назначения каким-либо другим способом; б) мы пытаемся устранить неполадки; в) не предпринимая никаких мер, мы остаемся в неисправной машине. Соответственно, если что-то не ладится в любовных отношениях, возможны следующие варианты действия – мы: а) прекращаем отношения; б) пытаемся наладить их; в) оставляем все без изменений. Метафора, таким образом, увязывает составляющие целых понятийных областей, что превращает ее в концептуальный феномен нашего мышления. Она задает траекторию концептуализации абстрактных сущностей в терминах чувственно воспринимаемых реалий, вектор которой определяется нашей экспериенциальной базой и сенсорно-моторным опытом.

Концептуальные метафоры моделируют процессы мышления, предоставляя экспериенциальный контекст, в рамках которого новые абстрактные концепты могут быть структурированы и адекватно поняты. Системы метафор, регулирующие процессы мышления, образуют когнитивную карту (*cognitive map*) концептов, организованную для соотнесения абстрактных понятий и опыта с каждодневной практикой взаимодействия познающего субъекта с внешним миром.

Метафорическое структурирование абстрактного мира осуществляется не с точки зрения объективных, физических свойств этого мира, а с точки зрения субъективных, антропоцентрических качеств, которые человек приписывает действительности сквозь призму своей когнитивной карты.

Модель концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, являясь мощным прорывом в исследовании структурирования метафорического значения, тем не менее, существенно ограничена, так как в анализ вовлечены только две взаимодействующие концептуальные сферы, что не отражает сложного механизма продуцирования метафоры. Кроме этого, указывается на невозможность подведения всего языкового материала под выделенные ими концептуальные метафоры [Глазунова 2000: 127].

В работе отмечается, что в целях совершенствования и развития данной модели Ж. Фоконы и М. Тернер предложили применить теорию ментальных пространств к исследованию метафорического значения [Turner, Fauconnier 1995, 1998].

Модель нескольких ментальных пространств представляет собой соединение методов фреймовой семантики с использованием «смешанных пространств» (blended spaces) для облегчения понимания сложных форм и, по мнению ее разработчиков, объясняет некоторые аспекты метафорического значения, оставшиеся в тени и не получившие в теории Дж. Лакоффа должного внимания.

Важным для теории «смешанных пространств» является понятие сети концептуальной интеграции, состоящей из исходных ментальных пространств (Input Space 1, Input Space 2), общего пространства (generic space) и интегрированного, или «гибридного» пространства (blending). Ментальные пространства, хотя и формируются нашими фоновыми знаниями, не заложены в нашем сознании в виде готовых структур, а возникают каждый раз заново в ходе порождения дискурса. Слияние ментальных пространств, осуществляющееся в процессе развертывания дискурса, приводит к возникновению интегрированных пространств, что оказывается возможным в результате соединения того общего, что есть в каждом из исходных ментальных пространств. Проецирование информации из исходных ментальных пространств на интегрированное осуществляется выборочно, причем проецированию подвергаются и структурные особенности, и содержание исходных ментальных пространств. Определяемое в целом исходными ментальными пространствами интегрированное пространство содержит одновременно как бы больше и меньше, чем исходные ментальные пространства. С одной стороны, проецированию в *общее* пространство подвергаются лишь отдельные элементы источника и цели, а с другой стороны, *интегрированное* пространство генерирует новое содержание и структуру, не свойственные ни одному из исходных ментальных пространств.

Несомненным достоинством теории интегрированных пространств является стремление к более детальной репрезентации продуцирования метафорического значения, имеющего место в дискурсе, в режиме online. Вместе

с тем, данная теория несколько расплывчата и не лишена элементов субъективизма, так как ограничена анализом единичных примеров окказионального характера.

Далее в реферируемой главе мы переходим к обсуждению вопросов, связанных с систематизацией итогов знаковой репрезентации познавательной деятельности человека. Результаты категоризирующей и концептуализирующей деятельности сознания человека складываются в картину мира – некоторое связанное представление о бытии, присущее членам какого-либо этноса. Картина мира – это система мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек. Познавая окружающий мир, человек формирует общие понятия, которые объединяются в систему знаний о мире, именуемую *концептуальной картиной мира*. Основная часть этих знаний «овнешняется» значениями конкретных языковых единиц, т.е. происходит параллельное формирование языковой картины мира (ЯКМ). Она представляет собой определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира человеком, зафиксированный в языке и являющийся сочетанием универсального и специфического. ЯКМ антропоцентрична по определению, так как является результатом лингвокреативной деятельности субъекта, и вследствие этого она образна, выразительна, эмоциональна, импрессивна. ЯКМ не только семиотична, но и концептуальна [Комлев 1969; Брутян 1973; Караулов 1976; Павиленис 1983; Колшанский 1990].

Часть концептуальной картины мира (ККМ), совпадающая с ЯКМ, является инвариантной и как таковая формирует универсальные понятийные категории, не зависящие от языка выражения. Информация, остающаяся за пределами ККМ, варьируется от языка к языку, формирует уникальную специфику отображения мира конкретным языком.

«Практическая» картина мира (ПКМ) складывается «стихийно» в процессе жизнедеятельности и накопления практического опыта. Она запечатлевается в обыденном языке независимо от воли его носителя, слабо осознается им, но, тем не менее, отражает его представление о мире и, что интересно, даже те знания, которые он сам не осознает. ПКМ состоит из простых, «физических», а не абстрактных понятий, ее главная отличительная черта – интерпретация чувственно не воспринимаемого, ненаблюдаемого через наблюдаемое, воспринимаемое, «осознаемое». Антропоцентричность и формирование ПКМ в определенных условиях обуславливает ее самобытность, лингво- и этноспецифичность. Например, в кабардинском языке о человеке, совершающем что-либо неуместно, некстати, говорят – *кытевэжс мажаджэс* (букв. вновь вскипевший чурек). *Мэжаджэс* – плоские лепешки, когда-то заменявшие кабардинцам хлеб, пользуются большой популярностью и сейчас. Важное в приготовлении чуреков – время, которое тесто, замешанное на курузной муке, должно «выстоять», чтобы они получились вкусными. Если пропустить время, тесто начинает бродить (*кытевэн* – вскипеть снова), чуреки становятся кислыми и не очень-то съедобными. Таким образом, *неуме-*

стность действий, слов в кабардинском сознании уподобляется *невкусному*, а потому не *востребованному*, не *нужному*, а именно – перебродившему чуречному тесту.

Ментальные действия, например, *сказать что-либо не подумав, лянуть*, в кабардинском языке передаются через квалификацию глагола *жыIэн* – говорить признаком, свойственным конкретному действию *кыгуэлъэфын* – оттянуть что-либо, взять, что-либо сбоку: *кыгуэлъэфауэ жыIэн* (букв. сказать, взяв что-либо сбоку). Умение высказаться правильно, содержательно и к месту уподобляется чему-то *целостному*. Кроме того, действие, обозначенное глаголом, имплицитирует неуместность его совершения.

Термин «языковая картина мира» не синонимичен понятию «практическая картина мира». Последняя включает первую в качестве своей части и предполагает учет, помимо сведений, извлеченных из языка, еще и общесемiotических, культурных, литературных и мифологических представлений, имеющих не только языковое, но и внеязыковое выражение.

Модель мира (ММ) следует понимать как некую схему, организацию, элементы которой статичны и представляют собой «координаты мира», как бы «каркас», заполняемый «живой плотью – языком», в результате чего образуется единое пространство, «картина». ММ эпистемична в том смысле, что она представляет собой результат определенной организации наших представлений о мире. Здесь мы не можем говорить о реконструкции, восстановлении *модели* из сложившихся в языке и сознании его носителей стереотипов. ММ представляет собой исходный ориентир структурирования мира, складывающийся в ее картину.

Описание ЯКМ стало возможным благодаря появлению концептуального анализа – «углубленного семантического и функционального исследования представлений и понятий, сформировавшихся в языке и языком» [Рябцева 2005: 57]. Структурирование ЯКМ проходит посредством метафоры. Сущность этого простого и вместе с тем сложного механизма заключается в том, что абстрактные и сложные явления получают неосознанное, «автоматическое» метафорическое или метонимическое определение, структурирование, описание и, в целом, концептуализацию в терминах конкретных, физических, наиболее значимых данных в ощущениях предметов и явлений, ассоциируются с ними, уподобляются им и представляются в сознании и языке по аналогии с ними. В результате этого идеальные сущности, которые даже трудно представить мысленным взором, получают наглядность в терминах «физического мира», становятся доступными и понятными. Например, в кабардинском языке концепт *вина*, *виноватый* передается через *кыуаныш* – *кривой*, чувственно воспринимаемый, доступный наблюдению признак конкретных предметов – *баш кыуаныш* (кривая палка). Человек, виновность которого явна, очевидна, концептуализируется через *арэф* (багор, крюк) – предмет, имеющий резко загнутый конец, определяемый еще и признаком

кривой – *арэфу къуанишэ* (букв. *кривой как багор*). Абсолютная виновность передается через удвоение эффекта «кривизны» – сочетание признака и предмета (багор), уже имеющего в своем строении *кривую* деталь.

Интерпретация языковых явлений в терминах концептуального анализа выявляет роль и место метафорического осмысления действительности в обыденном сознании и языке вообще: его принципиальную встроенность в практическое (а не только художественное и научное) познание мира и в отражении его механизмов и результатов в естественном, обыденном языке. Концептуальный анализ позволяет нам приблизиться к пониманию того, как человек осмысливает окружающий мир, и, самое главное, «приоткрыть святая святых» вселенной – внутренний мир человека с его эмоциями, чувствами, интеллектом, ментальной сферой; дает возможность определить его приоритеты и ценности, установить, какие знания и в каком виде становятся объектом интериоризации.

Четвертая глава «Стратегии образной концептуализации абстрактных концептов» посвящена установлению корреляций между когнитивными структурами и языковыми единицами, представленными образными выражениями *эмоциональной, интеллектуальной и трудовой* концептосфер. Выявляются коды культуры, репрезентирующие обозначенные концепты, устанавливается номинативная плотность элементов каждого кода, выводятся концептуальные метафоры, объективирующие исследуемые концепты. Детальному анализу подвергается образное использование каждого элемента выявленных культурных кодов. Параграфы, посвященные фрагментам исследуемых концептосфер, предваряются кратким изложением содержательной стороны изучаемых концептов, сложностей, возникающих при их конструировании. Описанию материала предшествует параграф, посвященный базовым кодам культуры как системе знаков, переводящих новое знание в языковую плоскость.

Под *кодом культуры* в работе понимается использование существующих в языке таксонов в процессе вторичной номинации для «овнешнения» результатов познавательной деятельности человека. В представлении культурных кодов особое внимание уделяется пространственному коду, так как именно он определяет национальную специфику концептуализации мира [Ю.М. Лотман, Е.С. Кубрякова]. Особенность концептуализации пространства кабардинским языковым сознанием заключается в использовании антропоморфной и зооморфной моделей, когда трехмерные координаты пространства определяются не только вертикальной позой тела человека, но и «образной схемой» *тела животного*, перемещающегося в горизонтальной плоскости, опирающегося на четыре конечности и имеющего «свои» части тела – *морду (нос), хвост*. Этот факт оказывает влияние на конфигурацию других кодов культуры в кабардинском языке.

Мы придерживаемся мнения, что структурировать содержание абстрактных концептов, проникнуть в их онтологическую сущность возможно

лишь при обращении к описывающим их образным единицам языка [Lakoff & Johnson 1980; Лакофф 2004]. Лексикографическое толкование абстрактных сущностей не дает представления об их реальном содержании (ср. русск.: *гнев* – чувство сильного возмущения, негодования; англ.: *anger* – a feeling of great annoyance or antagonism as the result of some real or supposed grievance; каб.: *губжэ* – *хуабжэу узэрэзыгуэпам, узэрыбампlэм кьут шытыкlэ* – букв. состояние сильного раздражения, возмущения).

Базовый статус эмоциональных концептов (ЭК) (*гнев, страх, радость/счастье, любовь/привязанность*) определяется объективностью их существования, подтверждаемой экспериментально, и абсолютной встречаемостью в различных языках [Frijda, Markam, Sato 1995: 121-143]. Рассматриваемые ЭК различаются по степени выраженности нейрофизиологического, нервно-мышечного и феноменологического составляющих эмоции. В стилистических, простейших эмоциях, таких, как *гнев, страх*, преобладает телесное возбуждение как результат сильного раздражения нейрофизиологической системы. В них ярко выражены все составляющие прототипической модели эмоционального состояния. В уточненных, сложных эмоциях, таких, как *печаль, любовь*, преобладает феноменологическая составляющая.

В основе ЭК лежит экспериенциальная *образ-схема* – *контейнер*, так как человек изначально осознает себя как некое *вместилище*, имеющее пространственные границы: *верх/низ, внутри/снаружи*. На понятийном уровне она уточняется концептуальными метафорами, которые отражают устойчивые междоменные связи между сферой *источника* (видимые, чувственно-воспринимаемые элементы пространственно-временного континуума) и сферой *цели* (испытываемые человеком эмоции). Концептуальные метафоры, в свою очередь, наполняются конкретным содержанием уже на языковом уровне.

Исследованный материал показал, что в образной концептуализации *гнева* участвуют следующие коды культуры: *соматический* – *лэы* (кровь), *гу* (сердце), *нэ* (глаза), *пэ* (нос), *фэ* (кожа); *зооморфный* – *блэ* (змея), *хьэ* (собака), *гуэгуш* (индюк), *цъджын* (ощетиниться); *природно-метеорологический* – *щыблэ, уафэхъуэпскl* (молния), *предметный* – *лэрыдж* (грань иглы), *джатэ* (меч); *акциональный*.

Анализ выявленных кодов культуры позволяет вывести следующие концептуальные метафоры *гнева*: *горячее, горящее, кипящее сердце* (где *сердце* – метонимический репрезентант крови); *кипящая кровь*; *горящее вещество*; *отсутствие крови*; *изменение (увеличение) размеров сердца*; *опасное животное*; *опасный предмет*; *природные силы*.

Языковой материал показывает, что наиболее разработанным является соматический код культуры, где самым частотным элементом предстает *гу* (сердце): *гур кьыдэвейн* – *вскипеть от возмущения, гнева* (букв. сердце кипит, поднимаясь); *гур кьыкьуэлъыкlын* – *разъяриться, прийти в ярость* (букв. сердце кипит, выплескивая жидкость); *гур эклэуэцlычын* – *негодовать* (букв. сердце разрываться); *гур кьэчэн* – *злиться* (букв. сердце треснуло); *гур*

ззгузудын – негодовать, злиться (букв. сердце лопнуло); гур лыңцлын – нервничать, злиться (букв. сердце обуглилось, обгорело). Семантика глагольных имен: къэчэн – треснуть, зэклуццычын – разрывать, ззгузудын – лопнуть, передавая разные способы нарушения целостности объекта, концептуализирует различную степень интенсивности гнева. Степень нарушения целостности контейнера свидетельствует о степени интенсивности гнева. Специфика концептуализации гнева в кабардинском языке состоит в том, что большей частью в качестве контейнера представлено сердце, в то время как в русском и английском языках в этой функции мыслится все тело человека.

Наши наблюдения показывают, что когнитивная модель гнева в кабардинском языке включает себя ряд уникальных метафор, не имеющих соответствия в русском и английском языках. Например, отсутствие крови: лы лэмплэ кыщцлэмыкын – находиться в состоянии гнева (букв. не иметь ни капли крови); увеличение размеров сердца: гур бзгын – гневаться, злиться (букв. сердце набухает, пухнет). Признаковый элемент сочетания бзгын отмечен отрицательной коннотацией и предполагает компоненту «увеличение в размерах, связанное с приходом какого-либо органического продукта в негодность».

Уподобление гневного состояния человека стихийным проявлениям природы является универсальным способом концептуализации эмоции гнева. Это своего рода рефлекс мифологического мышления, согласно которому гром и молния были наказанием богов, восседавших на облаках, людям, провинившимся в чем-либо. Например, щыблэм хуэдэу – разгневанный (букв. подобный молнии); уафэхуэпсклу зыкызэкхуэуын – разгневаться, разъяриться (букв. подобно молнии неожиданно раскрыться); уафэгъуагъуэм хуэдэу – разгневаться, (букв. подобно грому разойтись). Их аналоги из русского и английского языков: метать громы и молнии – бушевать, кипеть яростью; breathe thunder and lightning at someone (букв. дышать громом и молнией на кого-либо); fulminate storm and thunder (греметь громом, шуметь бурей).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что предметный код культуры не так репрезентативен в кабардинском языке, как в русском и английском: лэрыджыр къэзгъэзэн – разгневаться, рассердиться (букв. повернуть серп; лэрыджыр – старинный инструмент в виде серпа для обработки кожи, представляющий угрозу для человека). В кабардинском языке отсутствует «техническая» метафора, характерная для индустриального общества: to go ballistic (букв. взорваться); to blow a fuse (букв. поджечь предохранитель, пробку); to have a short fuse (букв. иметь короткий непроводной шнур); to get on somebody's wick (букв. достать чей-либо фитиль); to blow off the steam (букв. выпустить пар); довести до белого каления – разъярить, приводить человека в состояние крайней степени негодования, гнева (при нагревании перед ковкой металл сначала становится красным, потом желтым, а при очень сильном нагревании белым).

Чувство и состояние физического *страха* заложено в генетической программе человека и всех других живых существ природой в виде инстинкта самосохранения. Состояние страха более, чем другие эмоции, дифференцировано и градуировано, что находит отражение в языках: (ср. каб.: *гузэвэгъуэ, гузэвныгъэ, цтэныгъэ, гужэеигъуэ* – русск.: *настороженность, опасение, беспокойство, боязнь, испуг, тревога, страх, паника, ужас*; англ.: *concern, apprehension, anxiety, worry, dread, scare, fright, terror, horror, alarm, fear, panic* etc.).

Анализ практического материала показал, что в образной концептуализации *страха* участвуют следующие коды культуры: *соматический* – *гу* (сердце), *гуцхъэ* (верхушка сердца), *лъэдакъэлэ* (начало пятки), *исэ* (душа), *лъэ* – *лъакъуэ* (нога), *лъэнкламп/э* (икра), *фэ* (кожа), *цхъэфэц* (волосы на голове); *интеллектуальный/речевой* – *бзэ* (язык), *делэ* (дурак), *бзагуэ* (немой); *температурный* (в кабардинском языке не зафиксирован, при явной его выраженности в английском и русском языках); *зооморфный* – *клэ* (хвост).

Приведенные элементы культурных кодов складываются в широкий диапазон концептуальных метафор: *нарушение целостности* (сердца), *уменьшение в размере* (сердца), *перемещение* (сердца); *изменение цвета* (лица, волос); *неподвижность, оцепенение; нарушение интеллектуальной функции*.

Как показывает исследованный материал, ведущая роль в структурировании этой эмоции принадлежит концепту *гу* – сердце. Физиологический симптом учащенного, беспорядочного сердцебиения, сопровождающийся *страхом*, проявляется в разнообразных концептуальных метафорах. Так, сердце может «покинуть» тело, например, *гур ц/эк/ын, ик/ын, лук/ын* (букв. сердце выходит, уходит, отходит), *гур кыл/этын* (букв. сердце вылетает); оно может «потеряться» – *гур клуэдын, ф/эк/луэдын* (букв. сердце теряется). Находясь в пределах телесной оболочки, сердце может «дрожать», «вздрагивать» – *гур клэзызын* (букв. сердце дрожит); «исчезать», «таять» – *гур тк/ун, пытк/ук/ын* (букв. сердце тает; тает по капле).

Ощущения *страха* передаются метафорами со значением «уменьшение в размерах» – *гур хэц/ын* (букв. сердце убывает), *гур зыхузын* (букв. сердце уменьшается). Оба эти сочетания имеют одинаковый результирующий эффект – «меньшее» сердце, но в первом случае «сердце» уменьшается подобно тому, как *убывает* *месяц*, *убывает* *вода* после наводнения, т.е. сердце уподобляется некой субстанции, способной изменять свои размеры за счет «убывания» по всему периметру. Во втором случае «уменьшение размеров сердца» достигается в результате его «компрессии», «сжатия» (*зыхузын*). Концептуальная метафора «меньшего размера» на языковом уровне проявляется через прямое указание на «дефектность» сердца, его представленность в виде «половины»: *гур нык/уэ*н (букв. сердце половинчатое).

Наши наблюдения показывают, что *сердце* в кабардинском языке мыслится как структурированный орган, который имеет верхнюю часть – *гуцхъэ* (букв. голова сердца) и нижнюю – *гуц/лэ* (букв. дно сердца). Обращает на себя внимание дифференцированное распределение этих номинаций для объекти-

вации эмоций. Например, только *гуцлэ* используется для активации *страха*: *гуцлэм зигъэзэн* (букв. дно сердца поворачивается); *гуцлэр кърисыклын* (букв. дно сердца выжигается). Номинация *гуцхъэ*, обозначающая верхнюю часть сердца, используется для концептуализации *знева*, *злости*: *гуцхъэр уфлыцлын* (букв. верхняя часть сердца стала черной). Устойчивая корреляция номинаций, обозначающих различные части *сердца* и определенные эмоции, является особенностью кабардинского языка и не встречается в русском и в английском языках.

Метафора *перемещения* сердца при концептуализации эмоции *страх* встречается в других языках, что вполне естественно, и мотивируется, помимо соматической реакции, еще и символическим значением жизни, которым наделяют этот орган представители многих культур. *Перемещение* сердца в идиомах английского и русского языков ограничивается пределами телесной оболочки, оно не покидает тело, как это наблюдается при концептуализации эмоции *страх* в сочетаниях кабардинского языка (ср. русск. *сердце оборвалось, отпустилось; отрывается, обрывается; сердце в пятки ушло*; англ. *his heart sank* (букв. сердце исчезает, скрывается); *his heart leaped into his mouth* (букв. сердце прыгнуло в рот); *smb's heart is in one's mouth* (букв. сердце во рту).

Психофизиологическая симптоматика *страха* проявляется в концептуальной метафоре *неподвижности, оцепенения*: *сыным хуэдэу жын* (букв. застыть, как надгробный памятник); *и плэм ижыхын* (букв. застыть на месте). Как показывает материал, эта метафора не отличается высокой номинативной плотностью, которой она отмечена в русском и английском языках (ср. русск.: *окаменеть от страха; прирасти к земле от страха; страх приковал его к месту, застыть как вкопанный* и др.; англ.: *fear turned him to stone; fear rooted him to the ground; to be paralyzed (frozen) with fear* и др.). Чаще оцепенение, потеря способности двигаться передается сочетаниями с соматическим компонентом *лэз – нога*: *и лъэр цлэхун* (букв. ноги отпали), *лъэнкълэуцлэр цлэхун* (икры отпали), *лъэзэхэхъэ хъун* (букв. ноги перемешались, т.е. они не в устойчивом, вертикальном положении). В русском языке им соответствуют выражения: *ноги отнялись от страха; ноги стали ватными*; английские аналоги – *his legs got dumb* (букв. ноги онемели), *to get cold feet about smth.* – испугаться, заволноваться (букв. ноги похолодели из-за чего-либо).

Понижение температуры у человека в состоянии *страха*, фиксируемое физиологическими экспериментами, находит воплощение на концептуальном уровне в виде метафоры *холода*, которая на языковом уровне проявляется в виде следующих сочетаний: русск. *душа леденеет от страха; леденеть от страха; кровь в жилах стынет*; англ.: *to grow cold with fear* (букв. мерзнуть от страха) – похолодеть от страха; *fear makes his blood freeze* (букв. кровь замерзает от страха) – кровь стынет в жилах; *make one's blood run cold* (букв. сделать холодной кровь) – приводить в ужас; *to be in a cold sweat* (быть в холодном поту) – похолодеть от страха.

Реакцией тела человека на понижение температуры тела является озноб: *лэнэ лъапэр сысын* – состояние испуга, страха (букв. пальцы на руках и ногах трясутся); *дээр эттеуэн* – состояние страха (букв. стучать зубами); русск.: *поджилки трясутся* – чувство страха (поджилки – коленные сухожилия); *мороз по коже (по телу, по спине)*. Иногда обозначенное состояние передается через эталонные сравнения: *дрожать (трястись)* как *осиновый лист*; англ. *tremble/ shake like an aspen leaf* – ощущение озноба, вызванного сильным чувством страха, испуга, ужаса.

Подводя итог обсуждению образной концептуализации *страха*, следует отметить одну особенность, которая касается образных единиц кабардинского языка вообще. Ее условно можно назвать действием меронимического принципа *часть – целое*, если проводить параллель с другими языками. В русском языке, например, *страх* концептуализируется через соматическую лексику, обозначающую целый орган, а в кабардинском – его часть: *сердце* vs. *гуххэ* (верхушка сердца); *ноги* vs. *лъэнкламп/э* (икра); *пятки* vs. *лъэдакх-этэ* (начало пятки); *зуб* vs. *дзатэ* (кончик зуба). На наш взгляд, такая детализация усиливает экспрессивную составляющую значения идиом в кабардинском языке вообще и идиом, обозначающих *страх*, в частности (ср. *псэр дзатэпк/э* *лыгын* – букв. держать душу кончиками зубов).

Базовая эмоция *радость*, так же, как и *страх*, *гнев*, генетически детерминирована [Изард 1999: 168]. Согласно теории дифференциальных эмоций, *радость* переживает человек в силу витальных и психологических причин. Она онтологически связана с познавательной деятельностью человека. Эта эмоция способствует сохранению психического здоровья человека, является формой психической самозащиты и мотивом его деятельности.

Исследование выявляет, что образная концептуализация *радости/счастья* проходит в формате следующих кодов культуры: *соматический* – *гу* (сердце), *нэгу* (лицо), *нэ* (глаз), *дзэл* (десны), *лъэ* (нога), *ныбэ* (живот), *ныбафэ* (кожа живота); *цветовой* – *нэху* (белый, светлый); *зооморфный* – *клэ* (хвост), *дамэ* (крыло).

В рамках выделенных кодов и их элементов складываются следующие концептуальные метафоры: *смеющееся сердце*; *увеличивающееся в размерах сердце*; *сердце, источающее жидкость*; *развлекающееся (развивающееся) лицо*; *поднимающееся лицо*; *двигающиеся конечности*.

Исследование показало, что наиболее разработанным кодом в концептуализации *радости* является соматический код. В рамках данного кода обращает на себя внимание концептуальная метафора *изменение размера* (увеличение) сердца: *гуххэуэ и/эн* – испытывать радость (букв. иметь увеличивающееся, растущее сердце); *гур хэхуэн* – испытывать душевный подъем, наполниться радостью (букв. сердце растет, увеличивается). Этноспецифичными являются метафоры: *сердце, источающее жидкость*: *гур кыдэжын* – иметь хорошее настроение (букв. сердце вытекает); *развивающееся лицо*: *нэгу зегъэужын* – развиваться (букв. лицу дать развиваться). Из двух синонимичных

слов *напэ* и *нэгу*, обозначающих «лицо», только последнее используется в целях объективации *радости*. Такая избирательность мотивирована, на наш взгляд, тем, что *нэгу* номинирует переднюю часть лица человека с акцентом на его *выражение*, которое формируется глазами, мимикой, а *напэ* семантизирует переднюю часть лица, ее физическую составляющую – кожный покров.

Зооморфный код в кабардинском языке представлен картинкой резвящейся собаки: *дунеър кlэкlэ зехъэн* – очень сильно радоваться (букв. носить мир хвостом). Сочетание передает двигательную активность, которую человек может проявлять в состоянии *радости* и *веселья*. Сочетание не содержит прямой отсылки к данному животному, мы получаем это представление через метонимический репрезентант *кlэ* (хвост). Идиома является яркой иллюстрацией зооморфной модели концептуализации мира, не имеет аналогов в русском и английском языках. Другая идиома *дамэр къытекlэн* – сильно радоваться чему-либо (букв. вырасти крылу) – также пример зооморфной модели концептуализации мира – входит в систему ориентационных метафор: *счастье соответствует верху*. Внутренняя форма мотивирована объективным состоянием подъема и прилива энергии, которым сопровождается эмоциональное состояние *радости*. Универсальность такого состояния подтверждается примерами из других языков, хотя и с разной номинативной плотностью: русск.: *придавать крылья; окрылять; на крыльях; крылья выросли* – с общей доминантой «воодушевленный, вдохновленный». В меньшей степени это выражено в английском языке: *lend wings*.

Любовь/привязанность, согласно результатам психофизиологических экспериментов, не имеет ярко выраженной картины телесных ощущений (колебание температуры, изменение артериального давления и пр.), подобной той, что наблюдается в стихийных эмоциях (*гнев, страх*) [Ekman 1983]. Данный ЭК чрезвычайно сложен для описания ввиду преобладания в его структуре феноменологической составляющей.

Анализ практического материала выявляет, что образная концептуализация *любви/привязанности* проходит при участии следующих кодов культуры: *соматический* – *нэ* (глаз), *псэ* (душа), *лу* (рот), *зу* (сердце); *физиологический* – *лlэн* (умирать). Самым частотным из элементов соматического кода является *нэ* (глаз), который развивает богатую парадигму переносных значений, объективирующих данную эмоцию. Универсальность кодов, используемых в целях концептуализации эмоции *любви/привязанности*, сопровождается специфичной для кабардинского языка избирательностью определенных их компонентов. Они также демонстрируют различную номинативную плотность, что свидетельствует о проявлении культурной компоненты.

Концептуальные метафоры *любви/привязанности* иллюстрируют когнитивные преференции, обусловленные культурными причинами. Их набор в кабардинском языке представляет следующую картину. *Любовь/привязанность* – это способность видеть. Данная концептуальная метафора приобретает ряд модификаций через общий мотив *качества* зрительного восприятия:

видеть хорошо; дополнительный глаз; большой глаз; действия, производимые самим глазом (выходить, тереться); подвергать глаз физическим испытаниям; готовность лишиться органа зрения. Другие концептуальные метафоры, структурирующие данную понятийную область: метафора *поедания души*; *соединения душ*; *лишения (потери) сердца*.

Внутренняя форма глагольной номинации *любить* уже содержит зрительный компонент: *фйуэ лъэгун* – букв. видеть хорошо/хорошим. Проиллюстрируем развертывание зрительной метафоры конкретными примерами. Начало привязанности, которая может перерасти в любовь: *нэ лейк/э ептыгн* – с особым вниманием, уважением относиться к кому-либо; относиться лучше, с большей привязнью (букв. смотреть лишним, дополнительным глазом); *нэф/к/э ептыгн* – относиться к кому-либо благосклонно, доброжелательно (букв. смотреть, посмотреть хорошими глазами). Метафора *конкретного действия*: *нэм кыф/энэн* – пригляднуться, понравиться (букв. за глаза зацепиться); и *нэф/и цыхуэн* – проникнуться к кому-либо добрым чувством, симпатией (букв. хорошим, добрым глазом потереться). Желание увидеть, встретиться с объектом симпатий передается сочетанием *нэр кык/ын* – тосковать, скучать по кому-либо (букв. глаз выходит). Интенсивность чувства передается метафорой *размера глаз*: *нэхъуеиниэу лъэгун* – любить без памяти (букв. большими глазами видеть). Для концептуализации интенсивности симпатий, сильной привязанности активируется метафора *нанесения вреда глазу*, *потери глаза*: *нэм ц/лэхуам ц/лэмыхын/ кыц/лэмыхын* – любить, все прощая (букв. даже если в глаза попал, не вынимать). Ценность объекта любви уподобляется *ценности глаза*: *(и) нит/ым яз* – очень сильно любить, любимый (букв. один из его двух глаз); *нэм хуэдэ* – желанный, любимый, дорогой (букв.: как глаз).

Значимость объекта любви, сильное увлечение активирует метафора *готовности лишения глаз*. В примерах этой серии *глаза* могут дополняться и другими элементами соматического кода: *нэри нэри н/эпех* – захватывает тебя всего без остатка (букв. отнимает глаза и нос); *нэр н/этиху* – сильно любить (букв. отнимающий глаз). Как показывает практический материал, этот элемент соматического кода менее репрезентативен в русском и английском языках. Он также отмечен суженным диапазоном возможных образных конфигураций. Как правило, это «радость» и «удовольствие», которые получают глаза от созерцания объекта любви (ср.: русск. *радовать глаза*; англ.: *delight the eye*; *to feast one's eyes on somebody* – любоваться кем-либо, с наслаждением смотреть на кого-либо), и идея неподвижности взгляда (ср. русск. *не сводить глаз*; англ.: *not tear one's eyes off someone*; *not to take/remove one's glance from someone*; *keep one's eyes glued on someone* – не отрывать взгляда от кого-либо, любоваться).

Уникальным является переосмысление номинации *лү* – *рот* в терминах гастрономической метафоры для концептуализации *любви*, *привязанности*. Например, *лүм игъэтцхъэн* – очень хорошо относиться к кому-либо, сильно

любить (букв. дать вползти себе в рот), *лум ису кьехьэк/ын* – любить, хорошо относиться к кому-либо (букв.: носить у себя во рту).

Другие концептуальные метафоры, структурирующие данную понятийную область, – это метафоры *поедания души*; *соединения душ*; *лишения (потери) сердца*. Обращает на себя внимание «экзотическая» метафора *поедания души*: *псэр егъэшхын* – любить всей душой (букв. дать съесть душу); *си псэр зышхын* – любимый, дорогой (букв. кто съест мою душу). В этих примерах *псэ* – *душа* является метонимическим репрезентантом жизни человека. Готовность отдать душу «на съедение» любимому генерирует высокую степень интенсивности чувства, намерение пожертвовать самым ценным ради объекта любви (ср. *отдать душу, сердце*).

Концептуальная метафора *души* в английском языке не столь активно используется для концептуализации *любви и привязанности*, как в кабардинском и русском языках: *to put his heart and soul into smth.* (вложить сердце, душу); *with all my soul* (от всей души). Большей частью *soul* отождествляет сущность, неотъемлемое свойство, основу чего-либо: *brevity is the soul of wit* (букв. краткость душа остроумия; или центральную фигуру: *she is the soul of the company* (букв. она душа компании). Также традиционными для английской лингвокультуры являются ассоциативные связи *soul* (души) с внутренней энергией человека, его духовной силой: *with heart and soul* – с воодушевлением и энтузиазмом; *work the soul out of* – работать усердно, упорно.

Далее исследование в этой главе переходит к анализу образной концептуализации *ума/интеллекта*. Традиционно *ум* используется для обозначения ряда различных способностей, навыков, талантов, а также знания, преимущественно психического или когнитивного по своей природе. *Ум* отражает ряд процессов, затрагивающих память человека (краткосрочную и долговременную), его речевые возможности (восприятие, понимание, продуцирование), а также способности логического рассуждения.

Абстрактная образ-схема для *ума* – «вместилище», так как интеллектуальная деятельность осуществляется мозгом, расположенным в верхней части головы, и «устройство», «машина», предьявляющее результаты этой деятельности [Лакофф 2004а: 52]. Обозначенная образ-схема создает представление об *уме* как о «машине» со всеми связанными с ней характеристиками: включение – выключение, эффективность, мощность, внутренний механизм, которому свойственны те или иные условия эксплуатации. Следовательно, *ум* как способность (стационарная характеристика) уподобляется некоторому внутреннему механизму устройства, его техническим возможностям. *Ум* как проявление этой способности представляет этот механизм в действии.

Анализ языкового материала показывает, что образная концептуализация *ума/интеллекта* в кабардинском языке проходит с участием следующих кодов культуры: *соматический* – *щхъэ* (голова), *акъыл* (ум), *гу* (сердце) (самым частотным из элементов соматического кода является *гу* (сердце), кото-

рый отмечен высоким удельным весом в концептуализации ума/интеллекта и его составляющих); *цветовой* – свет, светлый, дневной; *речевой* – бзэ (язык), *псалъэ* (слово, речь), *жэз* (рот), *адыгэбзэ* (язык адыгов); *зооморфный*: *шкIэбжэ* – первоначальный слой рога, который сохраняется на кончике до определенного возраста.

Анализ элементов перечисленных кодов культуры выявляет широкий диапазон концептуальных метафор ума/интеллекта: *наличие головы, ума; размер (большой) головы, ума; работающая голова; работающий ум; здоровое слово, речь; живое слово, речь; красивое слово; язык адыгов; упорядоченность ума; чистое сердце; манипуляции с сердцем как с контейнером (вместилищем); действия, производимые сердцем; ментальные действия, выполняемые сердцем.*

Уникальной спецификой отмечен элемент соматического кода *гу* (сердце). Некоторые аспекты умственной деятельности, опредмечиваемые в русском и английском языках через *ум, голову* (русск. *прийти в голову; прийти на ум*; англ. *to come to mind; to make up one's mind; to keep sth. in mind; to come to head*), в кабардинском языке концептуализируются через сердце – *гу*. Например, *гум кыхъэн* (букв. войти в сердце) – подумать о ком-, чем-либо; вздуматься, зародиться; *гум шыхъэн* (положить в сердце) – задумать что-либо. *Сердце* представляется активным мыслительным органом, способным, подобно *голове, уму, мозгу*, совершать интеллектуальные операции: *гукIэ зэгъэгъэхуэн* (букв. сердцем привести что-либо в порядок; поправить) – прикинуть в уме, сопоставить, взвесить, просчитать в уме; *гум кэкIын* (букв. в сердце вырасти) – догадываться о чем-либо, неожиданно понять что-то.

Внимание – сосредоточенность мыслей, зрения, слуха на чем-нибудь, являющееся неотъемлемой составляющей умственной деятельности человека, объективируется также через концепт *гу (сердце)*. Например, *гу лъытэн (лъегъэтэн)* – обратить внимание на кого-, что-либо; надоумить. Предикативный элемент *лъытэн* имеет значения *считать, подсчитывать* что-либо; и *уважать, чтить* кого-, что-либо. Можно сказать, что компоненты обоих значений участвуют в формировании внутренней формы образного выражения. С одной стороны, *гу (сердце)*, обращенное к кому-либо, чему-либо, демонстрирует «уважение» к предмету внимания, выделяя его из континуума и делая предметом осмысления. С другой стороны, сердце, «остановившись» на ком-, чем-либо, начинает ментальную, умственную обработку объекта восприятия, т.е. его «сканирование».

Элементы соматического кода объективируют существенную составляющую «человека разумного» – память. Главная отличительная особенность наивной картины *памяти* в кабардинском языке состоит в том, что она в языковом сознании кабардинцев увязывается с *реальным*, а не воображаемым органом – *гу (сердце)*. Призванный осуществлять функциональные способности *памяти*, этот орган наделяется практически теми же возможностями, что и воображаемый орган памяти в русском и английском языках. Например, *гу*

(сердце) мыслится как вместилище, где хранится нужная информация: *гум игъэтын* (букв. в сердце быть, находиться) – помнить, не забывать; *гум дэгъ-элын* (букв. в сердце быть, находиться; приставка *дэ* (между) имплицитно более ограниченное пространство) – помнить о чем-либо неприятном, обидном; *гум игъэхун, игъэхужын* (букв. из сердца выпасть) – изгладить из памяти, забыть; *гум цубыдэн* (букв. в сердце закрыть, держать, не выпуская) – запомнить; *гуклэ жылэн* (букв. сердцем сказать) – читать наизусть, отметить что-либо про себя; *гуклэ зэгъэцлэн* (букв. сердцем выучить) – выучить наизусть. Воспроизведение в памяти прежнего опыта, событий (*вспомнить*) в кабардинском сознании также концептуализируется через *гу* – *сердце*, в котором что-то «вновь, заново растет»: *гум къэкълъжын* (букв. в сердце вырасти заново).

Остановимся на некоторых элементах *речевого кода*. Хорошо поставленная речь и, соответственно, развитые интеллектуальные способности передаются компаративным оборотом *жъэр лэклэ цлалъхъа хуэдэ* (букв. рот как будто подложили рукой; рот как будто ручной работы), передающим значение *хорошо говорить*. Вмешательство человеческого фактора в творение человека, частей его тела (*жъэ* – рот) позволяет сделать выводы о существовании в кабардинском менталитете представления, что *совершенство* может быть достигнуто только при участии человека. «Рукотворный» характер *рта*, образующий внутреннюю форму идиомы, акцентирует внешнюю сторону речи, не затрагивая ее содержания. Обращает на себя внимание тот факт, что номинант *жъэ* (рот) в кабардинском языке используется для объективации речевых способностей человека как положительной, так и отрицательной коннотации намного чаще, чем в русском и английском языках, где превалируют соматизмы *язык* и *tongue*.

В работе отмечается, что *зооморфный код* не является репрезентативным в концептуализации *ума* в исследуемых языках. Единичная представленность элементов данного кода, на наш взгляд, мотивируется тем, что *ум, интеллект* человека, «высшего творенья природы» не может быть объективирован через обращение к существам низшего порядка, каковыми являются «наши братья меньшие».

Исследование показывает, что концептуальное поле *глупости* по своей номинативной разработанности значительно превосходит поле *ума*, что связано с особенностями восприятия. Избирательность восприятия проявляется в выделении аномальных явлений, поскольку они всегда отделены от среды обитания. В современной когнитивистике эта особенность восприятия интерпретируется в терминах «фигуры и фона» (*figure and ground*) и активно разрабатывается такими учеными, как R. Langacker, J. Taylor, L. Talmy и др.

Анализ языкового материала показал, что образная концептуализация *глупости* в кабардинском языке проходит с участием следующих кодов культуры: *соматический* – *цхъэ* (голова), *акъыл* (ум), *куцл* (мозг), *жъэ* (рот), *нэ* (глаз), *тхэкълумэ* (ухо), *гу* (сердце), *пэ* (нос), *бзэ* (язык), *лутэ* (губы); *зоо-*

морфный – *былым* (крупный рогатый скот), *вы* (вол), *бжэжъуэ* (рог), *щыд* (осел), *шкIащIэ* (теленос), *ажэ* (козел), *аргъуей* (комар); *речевой* – *бзэ* (язык), *псалъэ* (слово, речь); *предметный* – *пыIэ* (шапка), *бгырыпх* (пояс), *лъэгу* (подшва обуви), *шхъэлс* (веревка, бечевка), *нэд* (бурдюк), *пкъо* (столб).

Элементы перечисленных кодов формируют следующие концептуальные метафоры глупости: *отсутствие головы, ума, мозга; размер (маленький) головы; количество (малое) ума; пустая голова; замена надлежащего содержимого головы; дефект головы, ума; неспособность ума к перемещению; неподвижный ум; открытый рот; превышение толщины некоторых частей головы; изменение функционального предназначения некоторых органов; дефектность глаз, языка; незнание элементарных составляющих аграрного быта; немота; работающие артикуляционные органы; износ артикуляционных органов; превышение размеров языка; неполноценная речь; неуместные действия; использование предметов одежды не по назначению.*

В рамках соматического кода активируется концептуальная метафора *неполноценной головы*, имеющая разное языковое выражение: *отсутствие необходимого содержания: шхъэ клуцIынчэ* (букв. голова без мозга); *шхъэ нэщI* (букв. голова пустая) – безмозглый, тупой человек. Несовершенные интеллектуальные способности концептуализируются через замену необходимого содержания головы. Определяющим в этом случае является метеорологический код, в котором активны образы ветра: *и шхъэм жьы шызетшэн* (букв. в голове дует ветер); *и шхъэм жьыуей цызотщэ* (букв. в голове дует сильный ветер); с такой же внутренней формой – *цу-цу* и *шхъэм цызотщэ*. В последнем примере эффект умственной неполноценности усиливается включением звукоподражательного элемента *цу-цу*.

Исследование показывает, что в русском и английском языках метафора *замены необходимого содержания головы* представляется более разработанной, чем в кабардинском: *голова опилками, соломой набита; труха вместо мозгов; куриные мозги; birdbrained* (букв. с птичьими мозгами), *beef-brained* (мозги из говядины), *mutton-headed* (голова из баранины); *feather-brained* (букв. мозги из перьев); *clay brained* (букв. мозги из глины) – глупый, недалекий, ограниченный, тупой человек. Обращает на себя метафора: *глупость – это открытый рот*, отмеченная широким диапазоном языкового варьирования: *жъэр ушIауэ* (букв. с широко открытым ртом); *жъафэ гурылэл* (букв. торчащая нижняя губа; с висячей нижней губой); *жъэкIэ плъэн* (букв. смотреть ртом); *жъэкIэ дэлуэн* (букв. слушать ртом, быть невнимательным); *жъэпафэ къемыхын, жъафэ къемыху* (букв. не смыкать губы).

Патология зрения – слепота, приписываемая *гу* (сердцу) в метафоре *гунэф* (букв. слепое сердце), активизирует значение *тупой, недалекий* человек. Подобная траектория концептуализации умственных способностей не обнаруживается в русском и английском языках.

В кабардинском языке универсальный *зооморфный код* не отличается высокой номинативной плотностью при объективации *глупости*, как это на-

блюдается в английском и русском языках (каб.: *былым* – крупный рогатый скот, *вы* – вол; англ.: *stupid as a donkey, stupid as an owl, silly as a goose, as a sheep, as a bag, hatful* или *tin of worms, as a cut snake*; (букв. глупый как осел, сова, гусь, овца, банка/шляпа червей, раненная/резаная змея; русск.: *глупый как осел, баран, овца, осетровая башка, индейский петух и т.д.*).

Несмотря на разнообразие эталонных стереотипов, используемых в различных лингвокультурных сообществах для концептуализации глупости, можно говорить о сходных, операциональных принципах отбора. Так, в качестве эталона глупости в рамках зооморфного кода выступают домашние животные (*баран, овца, корова, sheep, donkey, goose, owl, вы – вол, щыд – осел*). Они, как результат тесного и долгого соседства с человеком, вошли в орбиту «свой», сформировали у носителей языка определенную совокупность представлений. Со временем эти представления сложились в определенные стереотипы, сквозь призму которых воспринимается человек, его качества, включая интеллектуальную ипостась. Можно выделить сходные признаки, объединяющие все эти виды животных, которые ассоциируются у различных людей с *глупостью*: медлительность (*корова, баран, donkey*), заторможенность (*вы – вол, щыд – осел*), неподвижность позы, взгляда (*owl – сова*).

Анализ языкового материала выявляет широкое использование названий элементов и ситуаций аграрного быта при объективации *глупости*. Так, неумение говорить уподобляется стреноженной лошади, не способной свободно двигаться: *бзэм шыльахъэ итгын* (букв. язык стреноженный). Знание, вытекающее из значения глагола *стреножить*, а не само значение (связывать, перевязывать путами передние ноги лошади с задней) лежит в основе внутренней формы данного выражения, позволяющее правильно его понимать и представителям иной культуры.

Обращение к элементам *предметного* кода для объективации каких-либо свойств человека уже имплицитно неуважительное к нему отношение. Многообразие предметного мира, окружающего человека, а также избирательность сознания, мотивированная стереотипами определенного лингвокультурного общества, предопределяет значительные расхождения в выборе конкретных предметов, символизирующих человеческую *глупость*. Объединяющим их началом является примитивность, простота, ограниченные функциональные возможности (каб.: *ишъэпс* – ремешок, шнурок, используемый в хозяйстве для перевязки верха мешков; *нэд* – бурдюк; *лъэгэ гъуанэ* – дырявая подошва обуви; русск.: *бревно, столб, чурбан, пень*; англ.: *dingbat* – камень, палка или любой другой предмет, пригодный для бросания; *timber* – лесоматериалы, древесина, брус, бревно; и т.п.). В системе предметного кода семиотизированный статус приобретают и элементы одежды (ср.: *бгырыпх* – ремешок; *танэ бгырыпх щлэпха хуэдэ* – словно бычок, подпоясанный ремнем; *пылэ хуабэ* (букв. теплая шапка) – недалекий, неумный; русск. *шляпа* – расхлябанный, несобранный человек).

В работе отмечается, что в формате рассматриваемого концепта в карбардинском языке не зафиксированы сочетания с элементом-антропонимом, характеризующим людей по интеллектуально-отрицательному параметру (ср.: англ.: *a proper Charley* – дурень, глупец; *cousin Betty* – слабоумный человек, дурачок; русск.: *Иванушка-дурачок*; *Дунька с мыльного завода* – необразованная женщина и т.д.).

Далее в реферируемой главе проводится исследование образной концептуализации *труда*. Образ-схему *труда* можно определить как *движение*, совершаемое человеком. Ее универсальность обусловлена тем, что воздействие человека на природу, с чего труд как таковой и начинался, предполагает физическое перемещение человека, движение отдельных частей тела. Сцены трудовой деятельности представляют собой универсальные картины, так как все культуры отмечены тождественными способами воздействия субъекта на природу.

Анализ практического материала показал, что объектом образной концептуализации являются такие составляющие *труда*, как состояние человека после физического напряжения, качество выполняемой работы, отношение к труду.

В образной концептуализации *труда*, как показывает анализ языкового материала, участвуют следующие коды культуры: *соматический* – *гу* (сердце), *псэ* (душа), *лэз* (нога), *лэ* (рука), *лэлэ* (палец), *лэблэ* (рука от плеча до кисти), *пцлэнтлэпс* (пот); *шхэз* (голова), *бгэз* (грудь), *лу* (рот), *жэафэ* (нижняя губа), *клэтлүй* (кишка), *фэ* (кожа), *цы* (волос); *природно-метеорологический* – *жэы* (ветер), *дыгэз* (солнце), *нэху* (свет); *зооморфный* – *вы* (вол), *дыгэгуэ* (мышь); *растительный* – *тхэуий* (гречиха), *хугу* (пшено); *предметный* – *лэцхэз* (рукав), *бгырыпх* (пояс); *акциональный*.

В рамках названных кодов культуры формируются следующие концептуальные метафоры *труда*: *неспособность выполнить элементарную работу*; *дисфункция или ограничение функции частей тела и органов*; *деятельность, сопряженная с большими трудностями*.

Признавая универсальный характер кодов, используемых для концептуализации *труда*, отметим этнические преференции в выборе определенных элементов кода, детерминированные культурой языкового сообщества.

Доминирующим в объективации *труда* является соматический код, что обусловлено его образ-схемой. Использование элементов *гу* (сердце), *псэ* (душа) в целях концептуализации отдельных составляющих труда является универсалией, так как, согласно мифологическим воззрениям, *сердце*, *душа* символизируют человека, его сущность. Они выступают как средоточие переживаний, чувств и настроений человека. Эмоциональная основа, как известно, – важнейшая составляющая труда. Хорошее настроение, наличие стимула способствуют эффективности трудовой деятельности. Их отсутствие или усталость приводят к низкому или даже отрицательному эмоциональному фону. Лексемы *гу* (сердце) и *псэ* (душа) в составе образных выражений объективируют различные аспекты *труда*: *гугэзагэзу лэбэн* – аккуратно, умело выпол-

нять работу (букв. протягивать руку, успокаивая сердце); *гуньж шлын* – задумать сделать что-либо; проявить инициативу (букв. сделать так, чтобы сердце капало); *гур шлэхун* – устать, обессилеть (букв. сердце выпадает, отпадает); *псэр пыт кудейуэ* – с трудом, еле-еле (букв. с едва висящей душой); *псэр пыхун* – изнемогать (букв. душа падает, отпадает); *псэр тенэцыхьауэ* – с большим трудом (букв. с жадностью смотрящая, цепляющаяся душа); *псэкэ шлэцлауэ* – много, усердно работать (букв. с впряженной душой).

Сходные траектории метафорического переосмысления *сердца, heart; души, soul* в рамках исследуемого концепта можно проиллюстрировать примерами из других языков: *сердце (не) лежит*; *душа (не) лежит* – интерес, склонность, желание заниматься чем-либо (или их отсутствие); *вкладывать душу во что-либо*; *с душой* – делать что-либо с полной отдачей; *put one's heart and soul (into)*; *put one's heart into one's work*; *one's heart is not in it* – с общим значением «вкладывать сердце, душу во что-либо»; *one's heart goes out of smith* – сердце не лежит к чему-либо (букв.: сердце выходит из чего-либо).

Проявлением реликтов архетипического мышления является сочетание *ижь хуэхун* – мастерски овладеть чем-либо (букв. стать для кого-либо правой рукой). Предпочтение *правой* руки мотивировано ее ведущей ролью в моторике верхних конечностей. Признавая эту универсалию, необходимо отметить, что она получает несколько иную модификацию в русском и английском языках. Так, например, *правая рука*; *right-hand man*; *right-handed man* – ближайший помощник в чем-либо; верный помощник; главное доверенное лицо.

Большое напряжение, интенсивность *труда* передается идиомами с несколько натуралистической внутренней формой: *клэмлуйр зэтычын* – в поте лица (букв. порвать кишки); *клэмлуйри и вакъэ лъэпсу*, *клэмлуйри и лъэпсу* – в поте лица (букв. с кишками в качестве шнурков; шнурок – подвязка для ноговиц). Очевидно, что переводы, предлагаемые лексикографическими источниками [СКЧЯ 1999; КРФС 1968; ФСКЧЯ 2001], не передают всей палитры образности, создаваемой прототипной ситуацией кабардинских идиом. Внутренняя форма сочетания *клэмлуйр зэтычын* мотивирована напряжением мышц, сопровождающим физический труд. С целью опредмечивания испытываемого ощущения человек обращается к известным ему составляющим этой части тела, каковыми и являются кишки (ср. *надрывать кишки*; *slave, sweat or work one's guts out* – работать до изнеможения, работать как вол, надрываться). Но, помимо этой общей линии переосмысления, русский и английский языки демонстрируют и другое направление метафоризации – сила, жизненная энергия, правда, его разные полюсы. В русском *кишка тонка* реализуется отрицательная коннотация – *недостаток сил, способностей что-либо сделать*, в то время как в английском проявляется положительная компонента – *твердость, решительность, сильная воля* (ср.: *have guts*; *have the guts to do smth.* – иметь сильный характер; быть твердым, решительным, чтобы сделать что-либо; *put one's guts into smth.* – вложить всю энергию, силы во что-либо).

Метафора чрезмерной усталости от физического напряжения передается элементами растительного кода: *тхъуий хузэрымычыжу; лъэнтхъуий зэрымычыфын* – еле переставляя ноги (от усталости) (букв. быть не в состоянии разьединить колосок и зерна гречихи).

Как свидетельствует материал исследования, *безделье* являет собой достаточно разработанный фрагмент концептосферы кабардинского языка. В его образной объективации участвуют следующие культурные коды: *соматический* – *лъэ* (нога), *лъапэ* (носок), *лъэгу* (подошва), *лэ* (рука), *лэпэ* (палец), *лэблэ* (рука от плеча до кисти), *пэ* (нос), *щлыб* (спина), *лу* (рот); *природно-ландшафтный* – *псы* (вода), *мывэ* (камень), *щлы* (земля); *предметный* – *къанцлу* (свирель), *клэфий* (свисток), *цлампырэ* (детская игра), *чын* (волчок), *бжъынэ* (отверстие в ярме), *гулэф* (приспособление для торможения телеги); *зооморфный* – *хъэ* (собака), *хъэхэбасэ* (бродячая собака), *клэ* (хвост), *вы* (вол), *тлыбжэсэ* (бараныи рога), *бдзэжсэй* (рыба), *хсгуэн* (свиноматка), *бадзэ* (муха).

В формате выявленных кодов культуры формируются следующие концептуальные метафоры *безделья*: *физическое бездействие, псевдодеятельность, игра*. Концептуальные метафоры, организующие осмысление *безделья* в рамках выявленных кодов, отмечены относительной универсальностью, что мотивировано одинаковым представлением людей о *безделье*. Их наполнение на языковом уровне сопровождается яркими примерами идиотичности.

Общее представление о *безделье* реализуется через образ *сидящего* человека, который детализируется различными квалификаторами, позволяющими выделить стереотипное представление кабардинского этноса о праздном человеке. Наиболее задействованным в репрезентации бездельника, как показывает материал, является соматизм *нога* – *лъэ: лъакъуэр щлэгъэжсау щысын* – бездельничать (букв. сидеть с вытянутой ногой), *лъакъуэхэр зэхэзэпэджэсау щысын* – сидеть, ничего не делая; сидеть сложа руки, бездельничать (букв. сидеть, смешав ноги), *лъакъуитлыр зэтэдзау щысын* – сидеть без дела (букв. сидеть, сложив ноги). В русском и английском языках *безделье* также передается через образ *сидящего* человека, но акцент при этом делается на *руки: сложа руки (сидеть); to fold one's hands; sit on one's hands* (букв. сидеть на руках).

Этноспецифичной в плане используемой внутренней формы является идиома *зэлуэм лэмэ цоу* – не умеющий работать, плохо знающий дело (букв. все, к чему прикасается, пахнет запахом руки). Основой сочетания является ситуация несовершенной и незавершенной работы, когда налицо все недочеты и недоделки, т.е. «следы рук». Компонента «запах» формирует отрицательную ауру сочетания на основе ассоциации с устойчивым выражением *мэ щыуэн* – протухнуть, испортиться (о продуктах). Таким образом, реализуется метафора: дурной запах → качество работы, не имеющая аналога в русском и английском языках.

Трудно представить, каким образом *пэ* (нос) может быть «причастен» к объективации праздного человека, так как эта часть лица не вписывается в

гешталт *безделья*. Возможность подобной ассоциации ярко представлена в кабардинском языке: *пэм лъы ивэжсауэ* – заторможенный, сонный, не активный (букв. с засохшей в носу кровью). Внутренняя форма достаточно завуалирована, хотя можно провести параллель с картинкой забитого животного, принесенного, например, в жертву, у которого, как правило, застывает кровь в носу.

Универсальная концептуальная метафора *безделье* – игра реализуется через предметный код: *къанцлу ещэн* – бездельничать, бить баклуши (букв. дуть в свирель); *клэфий ещэн* – бездельничать, слоняться без дела (букв. дуть в свисток); *клэн джэсун* – заниматься пустым делом (букв. играть в кости); *цламплырэ джэсун* – бездельничать (*цламплырэ* – игра, смысл которой заключается в том, чтобы ударом палки забросить другую короткую палочку в очерченный круг). Диапазон вовлекаемых в игровую ситуацию предметов определяется конкретными реалиями жизни кабардинского этноса (ср.: *къанцлу, клэфий* – пастушеская атрибутика). В русском и английском языках существует свой «набор» игр, характерный для этих культур: *валять дурака*; *ваньку валять* – бездельничать, праздно проводить время; *играть в бирюльки* (*набор очень мелких деревянных предметов, используемых в игре, состоящей в том, чтобы из кучки этих предметов вытаскивать крючком один за другим, не задевая остальных* [Lingvo x3]); *to play spillikins; all beer and skittles* – праздно проводить время, в развлечениях и удовольствиях (букв. все пиво и кегли); *foozle* – неумелый, неудачный удар (в гольфе) – делать что-либо неумело, неуклюже; *putter* – короткая клюшка (для гольфа) – работать впустую; тратить время на пустяки; и т.д.

Исследование выявляет высокую степень идиоэтничности метафоры *псевдодеятельности*: *уэсэпсым кхъухьклэ къыщыкълухьын* – заниматься пустым делом, заниматься непосильным трудом (букв. плавать по росе на корабле); *мастэклэ хыр дэгъзухын* – взяться за очень трудную, сложную работу (букв. поменять русло океана иголкой); *къурушым джэдыкълэклэ еуэн* – приняться за что-либо непосильное (букв. пытаться разбить гору яйцом); *уафэм пкълэлей едзын* – приняться за большое серьезное дело, которое непосильно (букв. ставить на небо лестницу).

Использование элементарных предметов повседневной жизни в пустых и бесцельных манипуляциях является универсальной логикой ассоциативного мышления в концептуализации *безделья*. Сочетания этого ряда выразительных, их внутренняя форма культивирует крайне неодобрительное отношение к *безделью*.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения метафоры.

Исследование показало, что реальное представление о содержании абстрактных концептов можно получить лишь при анализе их метафорического структурирования. Изучение образной объективации *базовых эмоций, ума, глупости, труда, безделья* в кабардинском языке с опорой на русский и английский языки позволяет сделать вывод об определяющей роли телесного опыта в

концептуализации абстрактных сущностей. Универсальные траектории их опредмечивания свидетельствуют о преобладании одинаковых ощущений и представлений у человека как *homo sapiens*. Сходство коренится в одинаковых схемах нашего взаимодействия с физическим миром, обусловленного единой биологической и психофизиологической сущностью человека.

Реалии конкретного мира, объективирующие исследуемые абстрактные концепты в рамках определенных кодов культуры, формируют систему приоритетных для данной культуры образов. В ней можно дифференцировать универсальные и уникальные элементы, через которые проявляются стереотипы обыденного сознания языкового сообщества.

Концептуальные метафоры, организующие структурирование абстрактных концептов на понятийном уровне, и в силу этого имеющие универсальный характер, отмечены признаками идиозтичности, которые обусловлены культурными и когнитивными причинами. Исследование образной объективации абстрактных концептов позволило вскрыть глубинные слои культуры, сокрытые временем и историей, которые в силу отдаленности и завуалированности не воспринимаются как факты культуры.

Сложная природа метафоры, привлекающая все большее внимание исследователей, далеко не исчерпала себя, и, более того, далека от завершения. Каждое новое наблюдение приближает исследователей к постижению сути этого феномена и вместе с тем выдвигает перед ними новые вопросы и проблемы. Дальнейшее исследование метафоры как когнитивного механизма мыслится в контексте биологии познания и биосемантики.

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в монографии и 29 публикациях, 7 из которых вышли в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора наук:

Битокова С.Х. Метафора в языке, мышлении и культуре: монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 17,6 п.л.

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Битокова С.Х.* Фразеологическая концептуализация эмоции «гнев» в кабардино-черкесском языке // Культурная жизнь Юга России. – № 3 (17). – Краснодар, 2006. – 0,4 п.л.

2. *Битокова С.Х.* Когнитивный анализ эмоции «страх» в идиоматике кабардино-черкесского языка // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Вопросы филологии. – 2006. – 0,5 п.л.

3. *Битокова С.Х.* Языковые стратегии объективации «глупости» в кабардино-черкесском языке // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск. – 2008. – № 3. – 0,6 п.л.

4. Битокова С.Х. Когнитивная концепция метафоры // Культурная жизнь Юга России, № 3 (28). – Краснодар. – 2008. – 0,4 п.л.

5. Битокова С.Х. Образная концептуализация «ума» в кабардино-черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология». – Майкоп: АГУ, 2008. – Вып. 6. – 0,6 п.л.

6. Битокова С.Х. Когнитивные процессы и лингвокультурная специфика // Культурная жизнь Юга России. – № 6 (25). – Краснодар. – 2008. – 0,4 п.л.

7. Битокова С.Х. Эмоциональные концепты и лингвокультурная специфика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология». – Майкоп: АГУ, 2009. – Вып. 3 (48). – 0,6 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

8. Битокова С.Х. Языковые и внеязыковые факторы, обуславливающие номинативную ценность словосочетания // Структурно-семантические особенности языковой единицы и ее номинативная ценность: Межвуз. сб. науч. трудов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1984. – 0,4 п.л.

9. Битокова С.Х. Направленность семантических сдвигов в языковых и авторских метафорах // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: Межвуз. сб. науч. трудов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1985. – 0,5 п.л.

10. Битокова С.Х. Формирование структуры значения авторской метафоры // Взаимодействие системных и несистемных характеристик языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1989. – 0,5 п.л.

11. Битокова С.Х. Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира // Проблемное описание и преподавание романо-германских языков: Сб. науч. трудов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1996. – 0,6 п.л.

12. Битокова С.Х. Тематическая корреляция и языковая картина мира // Проблемы развития государственных языков КБР. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1996. – 0,3 п.л.

13. Битокова С.Х. Идиомы, характеризующие явления и ситуации в аспекте лингвокультурологии (на материале русского и кабардино-черкесского языков) (в соавторстве) // Вестник КБГУ. Серия «Филологические науки». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. – Вып. 5. – 0,6 п.л.

14. Битокова С.Х. Символ в английской идиоматике // Вестник КБГУ. Серия «Филологические науки». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2003. – Вып. 6. – 0,6 п.л.

15. Битокова С.Х. Когнитивный анализ устойчивых компаративных оборотов // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы: Материалы международной научной конференции. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2003. – 0,4 п.л.

16. Битокова С.Х. Идиоматика как объект лингвокультурологии // Язык как система и деятельность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Ю.А. Гвоздарёва. – Ростов-на-Дону: ООО «Сигма», 2005. – 0,4 п.л.

17. Битокова С.Х. Семантика фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: материалы всероссийской науч. конф. с международным участием. – Стерлитамак: СГПА, 2006. – Т. I. – 0,3 п.л.
18. Битокова С.Х. Метафора в контексте когнитивной лингвистики // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 0,5 п.л.
19. Битокова С.Х. Культурная составляющая языковой компетенции // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: Материалы междунаучной конференции (Владикавказ, 25-26 апреля). – Владикавказ, 2006. – 0,3 п.л.
20. Битокова С.Х. Идиообразование: когнитивный аспект // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: Материалы Междунауч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2006. – 0,5 п.л.
21. Битокова С.Х. Метафора: универсальное и специфическое // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Материалы VIII междунауч.-практ. конф. – СПб., 2006. – 0,4 п.л.
22. Битокова С.Х. Языковая картина мира как метафорический конструкт // Обучение иностранным языкам и культурам: дискуссионные и нерешенные вопросы: Материалы междунауч.-методического симпозиума. Лемпертовские чтения VIII, 25-26 мая. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – 0,4 п.л.
23. Битокова С.Х. Стереотипы обыденного сознания и культурная информация в образных единицах языка // Язык, образование и культура в современном обществе: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь: КСИ, 2006. – 0,4 п.л.
24. Битокова С.Х. Концептуальная метафора и теория воплощенного реализма // Язык и межкультурная коммуникация: Сб. статей I Международной конференции (23 января 2007 г., Астрахань). – Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. – 0,5 п.л.
25. Битокова С.Х. Концептуальная метафора: кросскультурные расхождения // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: Тр. и матер. Междунауч. науч. конф. (Казань, 4-7 мая 2007). – Т. 2. – Казань, 2007. – 0,4 п.л.
26. Битокова С.Х. Воплощенность: когнитивный взгляд на значение // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты. Вып. II. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – 0,4 п.л.
27. Битокова С.Х. Аналогия как стратегия структурирования абстрактных концептов // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики: Сб. статей I Междунауч. научн. конф., посвященной 75-летию Астраханского государственного университета (15 октября 2007 г.). – Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. – 0,6 п.л.

28. *Битокова С.Х.* Взаимодействие языка и культуры: филогенетический и онтогенетический взгляд на проблему. Концепт и культура: Материалы III Международной научной конференции, посвященной памяти проф. Н.Ф. Феокистовой (Кемерово, 27-28 марта 2008 г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 0,8 п.л.

29. *Битокова С.Х.* Культура и язык в аспекте стереотипов и эталонов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвузовский сб. научн. тр. – Вып. XI. – Владикавказ: СОГУ, 2009. – 0,5 п.л.

В печать 02.11.2009 г.

Тираж 100 экз. Заказ №

Печать трафаретная. Бумага офсетная. 2.56 усл.п.л. 2.5 уч.-изд.л.

Полиграфический участок ИПЦ КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

